

Собирает премия
Лучший дебют

Как узнать чужой секрет,
но сохранить при этом собственный?..

СУПРУГА БЕЗ ИЗЪЯНА,
ИЛИ ТАЙНА КРАСНОЙ ЛЕНТЫ

Диана
Черверлен

Диана Чемберлен
Супруга без изъяна, или Тайна красной ленты
Серия «Спасительный свет», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141089
Супруга без изъяна, или Тайна красной ленты: Эксмо; М.; 2015
ISBN 978-5-699-81301-8

Аннотация

Рыжеволосая художница Анни – всеобщая любимица, ее даже прозвали Святой. Но в рождественскую ночь случается беда: Анни убивает какой-то безумец. Тяжело переживают потерю муж и дети...

Оливия Саймон, врач, которая пыталась спасти ее жизнь в ту роковую ночь, хочет понять, в чем заключался секрет обаяния Анни. Почему супруг Оливии поддался этому волшебству и оставил жену ради платонической любви к художнице?

И такой ли безгрешной была на самом деле Анни?

Книга также издавалась под названием «Спасительный свет».

Содержание

1	5
2	12
3	17
4	21
5	25
6	31
7	33
8	35
9	40
10	44
11	54
12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Диана Чемберлен
Супруга без изъяна, или
Тайна красной ленты

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

1

Рождество

1990 год

Весь день не переставая шел дождь. Он лил с такой силой, что кусты вокруг стоянки у здания больницы склонились к самой земле, а новая крыша начала протекать. Одна из медсестер поставила ведро на пол в приемной, и через час оно было полно до краев.

Оливия Саймон смотрела на потоки дождя через широкое окно своего кабинета. Шум воды мешал сосредоточиться, и журнал на ее столе по-прежнему был открыт на той же самой статье, которую она начала читать час назад. В этом дожде было что-то неестественное. Он высасывал кислород из воздуха, и дышать становилось труднее. Оливии казалось, что капли колотят по ее голове, будто дробины по пустой консервной банке. Но стоило ей только подумать, что у нее больше нет сил выносить этот грохот, как он стих. Оливия смотрела на небо, и у нее на глазах оно становилось светлее, сияющим оттенком напоминая внутреннюю сторону яичной скорлупы. И так же неожиданно пошел снег.

Оливия вышла в приемный покой, где последние два часа, удивительно спокойных, Кэти Браш и Линн Уилкс играли в карты.

– Пошел снег, – сообщила им Оливия.

Медсестры подняли на нее глаза, отрешенные из-за вынужденного безделья, потом медленно повернули головы к окну.

– Невероятно. – Линн встала, чтобы лучше видеть, и полой халата сбросила со стола несколько карт.

– Похоже, на Внешней косе это становится традицией, – заметила Кэти. – На прошлое Рождество тоже шел снег.

Оливия взглянула на часы. Половина шестого. Сегодня она не могла задерживаться на работе.

Линн снова села и поинтересовалась:

– Присоединишься к нам, Оливия?

Она отказалась и вернулась к себе в кабинет. Этим вечером она не могла заставить себя присоединиться к девушкам. Оливия слишком нервничала, поглощенная своими мыслями. Ей необходимо было поскорее попасть домой.

Она села за стол и набрала номер домашнего телефона.

– Снег пошел, – сказала она, когда Пол взял трубку.

– Да, я знаю. – Голос мужа звучал раздраженно. Оливия уже начала привыкать к тому, что Пол часто бывает не в духе. – Когда ты намерена появиться дома?

– Скоро, мне осталось всего полчаса.

Оливии пришлось дежурить на Рождество. Из четырех врачей, работавших в отделении неотложной помощи в Килл-Дэвил-Хиллз, она была самой молодой. Она была бы рада сказать Полу, что не зря вышла на работу, не напрасно оставила мужа в одиночестве, когда им так необходимо проводить побольше времени вместе. Но за долгие одиннадцать часов дежурства ей пришлось заниматься только оцарапанной коленкой и несварением желудка после праздничной индейки. В такие дни Оливия понимала, что скучает по напряженному темпу жизни Вашингтонской городской больницы, где она проработала последние десять лет, хотя из-за этого сложно было контролировать свое рабочее расписание. В первые годы брака она боялась надолго расставаться с Полом. Когда Оливия не могла к нему прикоснуться, она начинала бояться, что он исчезнет.

Прошрое Рождество они провели с его родителями в Филадельфии. Пол написал стихотворение ей в подарок и каким-то образом ухитрился вышить его по шаблону в те часы,

когда она работала, а он был свободен. Вышивка теперь висела дома в ее кабинете. И всякий раз, глядя на нее, Оливия удивлялась, как быстро исчезло то теплое, нежное чувство, которое Пол испытывал к ней всего лишь год назад.

– Индейка уже пережарилась, – пробурчал Пол. – Может быть, я выну ее из духовки?

Оливия собралась ему ответить, когда ожила полицейская рация, стоявшая в холле у двери в ее кабинет.

– Подожди минутку, Пол, – попросила она и прислушалась к тому, что говорит Кэти, севшая перед приемником.

– Килл-Дэвил-Хиллз, отделение неотложной помощи, – ответила Кэти.

– У нас пулевое ранение в грудь, – донесся сквозь потрескивание мужской голос. – Женщина, около сорока, пульс нитевидный, сто пятьдесят в минуту. Давление семьдесят пять на сорок.

– Когда вас ждать? – спросила Кэти.

– Через пятнадцать минут. Может быть, через двадцать. Проклятый снег!

Оливия встала.

– Пол, я должна идти, – сказала она мужу, положила трубку и торопливо пошла в смотровую. – Позвони Джонатану, – бросила она на бегу Кэти.

Ей не нравилось работать с Джонатаном Кремером, но именно его она должна была вызвать в случае необходимости, да и жил он ближе всех. Он сможет приехать через несколько минут.

Оливия готовилась к операции, когда появился Джонатан.

– Значит, пулевое ранение, – хмыкнул он, закатывая рукава и принимаясь намыливать руки. – Мы стабилизируем ее состояние и отправим на вертолете в Норфолк, в Мемориальную больницу Эмерсона.

– Мы еще ее не видели, – парировала Оливия и включила монитор электрокардиографа.

– Ей потребуется специальная бригада.

Оливия принялась выкладывать все необходимое для интубации. Джонатан раньше работал в сонной провинциальной больнице в Луизиане и, вероятно, не слишком уверенно чувствовал себя, если речь шла о пулевом ранении. Он проработал на Внешней косе чуть больше года, став первым врачом в только что созданном отделении неотложной помощи, единственном в этих местах. Оливии обещали, что она будет в равном с ним положении, что у нее будет такое же право голоса, как и у Джонатана Кремера. Но иногда у нее создавалось впечатление, что об этом забыли предупредить Джонатана.

– Давай сначала осмотрим ее, – примирительно предложила она.

К тому моменту, когда двое парамедиков привезли раненую, смотровая была уже готова. С женщины уже срезали блузку и лифчик, и в левой груди виднелась очень маленькая ранка. Крови не было. Это могло означать только одно: пуля попала прямо в сердце. Оливия понимала, что пострадавшей требуется немедленная операция, другого выхода не было.

– Неси операционный набор, – обратилась Оливия к Кэти.

– Что? – воскликнул Джонатан, помогавший одному из парамедиков надеть на женщину специальный противошоковый костюм. – Забудь об этом, Оливия. Давай отправим ее в Норфолк.

– Принеси два пакета с кровью, первая группа, резус отрицательный. – Оливия обращалась к Линн, одновременно проверяя жизненные показатели раненой. Вертолет доставит пострадавшую в больницу только через сорок минут. Пройдет еще не меньше пятнадцати минут, прежде чем она окажется в операционной. – Женщина не протянет так долго, – ответила она Джонатану.

Кэти принесла поднос с хирургическими инструментами. Они негромко позвякивали, потому что у медсестры тряслись руки. Она заколола темные волосы, и Оливия пожалела, что не догадалась сделать то же самое. Ее волосы были чуть длиннее подбородка, и стоило ей наклонить голову, как они падали вперед, заслоняя все.

– Ты шутишь, – возмутился Джонатан. – Мы не можем здесь оперировать.

– Пятьдесят на тридцать, – громко объявила Линн, – пульс на руке не прощупывается.

– Вливай ей физраствор, – приказала Оливия. – Джонатан, прошу тебя, сделай надрез. –

Женщина нуждалась в переливании крови.

– Оливия, здесь тебе не округ Колумбия! Для операции необходима специальная бригада.

– Начинай вводить физраствор, – обратилась Оливия к Линн, – и эпинефрин. И повесь мешки с кровью на штатив. – Потом она обернулась к Джонатану: – Послушай, разумеется, мы можем отправить ее в Норфолк. Только мы оба знаем, что она умрет по дороге. Здесь не идеальные условия для операции, но это ее единственный шанс. – Оливия снова повернулась к столу и сама сделала надрез на паховой вене и выбрала иглу для переливания крови.

– Я могу это сделать. – Кэти взяла иглу из рук Оливии и ввела в вену. Руки у нее больше не дрожали. Оливия восхитилась тем, как быстро молодая женщина справилась со страхом и растерянностью.

Джонатан ожег ее яростным взглядом.

– Я не желаю в этом участвовать. Я вызываю вертолет. – Развернувшись на каблучках, он вышел из смотровой.

Оливия ошеломленно посмотрела ему вслед, потом повернулась к одному из парамедиков.

– Вызовите сюда доктора Шелли, пусть приедет как можно быстрее. – Оливия принялась протирать раствором бетадина грудь и бок женщины. Потом надела стерильные перчатки, которые протянула ей Линн.

– Может быть, все-таки следовало бы отправить ее в Норфолк, – негромко сказала Линн. У нее на лбу блестели капельки пота.

– Мы сделаем все, что в наших силах, Линн. – Оливия взяла с подноса другой скальпель и заметила, что у нее самой дрожат руки. Она вдруг остро осознала, что осталась единственным врачом в смотровой. «Ну-ка, возьми себя в руки», – приказала себе Оливия. Когда она приставила скальпель к груди женщины, между ребрами, то почувствовала, что полностью контролирует себя. Оливия сосредоточилась на том, что ей предстояло сделать. Она сделала надрез. Крови не было. Скальпель пошел дальше, сквозь мускулы, к ребрам. Кровь неожиданно хлынула из разреза, заливая хирургический костюм Оливии и пол. Женщина-парамедик, стоявшая рядом, охнула.

– Давления нет, – сообщила Линн, – пульса тоже.

Оливия посмотрела на ровную зеленую линию на мониторе электрокардиографа. Она почувствовала, что у нее на лбу выступила испарина. Они ее теряли. Для операции на сердце требовалось раздвинуть ребра, но, посмотрев на поднос, Оливия не увидела необходимого инструмента.

– У нас нет расширителя?!

Кэти только покачала головой.

Разумеется, у них не было такого инструмента. Оливия снова взялась за скальпель и им развела ребра. Сунув левую руку в образовавшееся отверстие, она осторожно согнула пальцы вокруг сердца женщины, провела большим пальцем по сердечной мышце, пытаясь найти входное отверстие от пули. Она быстро нашла маленькую ямочку на гладкой поверхности сердца и закрыла ее пальцем, чтобы остановить кровь. Потом она нащупала выходное отверстие, прикрыла его средним пальцем и почувствовала, как сердце сокращается в ее

ладони. Оливия подняла голову, чтобы посмотреть на монитор, и тут же услышала радостный возглас Кэти:

– Есть пульс!

Оливия только сейчас перевела дыхание. Теперь им оставалось только ждать прихода Майка Шелли, заведующего отделением неотложной помощи. Оливия не знала, сколько сумеет простоять в крайне неудобном положении. Она согнулась и немного присела, чтобы удерживать в руках сердце, закрывая при этом сквозную рану. Если Оливия хоть немного сдвинет пальцы, женщина умрет. Все так просто. Но у Оливии уже начали дрожать мышцы ног, заныли плечи.

Она услышала шум приближающегося вертолета, потом привычный звук, когда машина села на крышу здания. Оливия надеялась, что вертолет им еще понадобится, что они сумеют залатать сердце пострадавшей и стабилизировать ее состояние, чтобы она перенесла полет.

Оливия в первый раз за все время посмотрела на лицо раненой. У нее была белая кожа, немного веснушек на носу и щеках, никакой косметики. Волосы были длинными, тяжелыми, рыжими, очень красивого красноватого оттенка, напоминающего цвет древесины вишневого дерева. Они спадали со стола волнистым водопадом. Женщина казалась моделью из рекламы шампуня для волос.

– Кто в нее стрелял? – спросила Оливия, поднимая глаза на молодого парамедика, стараясь отвлечься от своего неудобного положения.

Лицо парня было таким же белым, как лицо раненой. Карие глаза расширились от ужаса.

– Она была волонтеркой в приюте для женщин в Мантео, – ответил он. – Туда вошел мужик, он угрожал своей жене и детям, и эта женщина прикрыла их собой.

Приют для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Оливия ощутила боль в груди. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы задать следующий вопрос:

– Кто-нибудь знает, как ее зовут?

– Анни, – ответил парамедик. – То ли О’Брайен, то ли еще как-то.

– О’Нил, – прошептала Оливия, но так тихо, что ее никто не услышал.

Она снова взглянула на распростертое перед ней тело с белоснежной кожей, на полные груди, усыпанные веснушками, на тонкую талию. Оливия закрыла глаза. У нее горели плечи, кончики пальцев онемели. Она уже не могла сказать, прикрывают они отверстия от пули или нет. Оливия перевела взгляд на монитор. Электрокардиограф подскажет ей, если ее пальцы начнут сползать.

Неужели прошел всего месяц с тех пор, как Пол написал статью для журнала «Морской пейзаж»? Оливия не забыла фотографии витражей, сделанные в мастерской Анни Чейз О’Нил. Женщина в шелках, синяя цапля, закат в песках. Пол изменился после этой статьи. Не только Пол, все изменилось.

Вошел Майк Шелли, и Оливия заметила шок в его глазах при виде открывшейся перед ним картины. Но он быстро вымыл руки и через несколько секунд уже стоял с ней рядом.

– Где Джонатан? – спросил он.

– Доктор Кремер уверял, что раненую необходимо отправить в Норфолк, а я сочла, что мы ее единственный шанс. Поэтому он отправился вызывать вертолет и больше не вернулся.

Майк уже держал в руке специальную иглу с загнутым концом.

– Пострадавшую и в самом деле надо было отправить в Норфолк, – сказал он очень тихо, его губы шевелились почти у самого уха Оливии. – А так ее кровь будет на твоих руках.

У Оливии защипало глаза. Неужели она приняла неверное решение? Нет, эта женщина не пережила бы перелет. В этом Оливия была абсолютно уверена.

Майку пришлось работать вокруг ее пальцев. Если бы она сдвинула их хотя бы на миллиметр, кровь хлынула бы из отверстий. Боль уже не отпускала плечи Оливии, дрожь с ног перешла на все тело. Но она не меняла положения, пока Майк подсунул крохотную заплатку под ее палец и пришил ее. Но выходное отверстие залатать было намного труднее. Оно было большим, и закрыть его, не повредив при этом сердце, оказалось невозможно.

Оливия видела, что лоб Майка прорезали глубокие морщины, пока он сражался с иглой.

– Прошу тебя, Майк, – прошептала она.

Но он только покачал головой, сдаваясь. Заплатка не держалась, кровь сначала просачивалась, а потом хлынула из пробитого сердца. Оливия чувствовала его тепло в своей ладони. Она видела на мониторе, как зеленая линия заскакала, потом превратилась в прямую. В смотровой повисла тягостная тишина.

Никто не двигался. Все молчали. Оливия слышала прерывистое, частое дыхание Майка, звучащее в такт с ее собственным. Она медленно выпрямилась, охнула от боли в спине и посмотрела на Кэти:

– Родственники здесь?

Медсестра кивнула:

– Да, приехали муж и дети. Мы вызвали Кевина, и он с ними в комнате ожидания.

– Я с ними поговорю, – вызвался Майк.

Оливия покачала головой.

– Это следует сделать мне. Я была с ней с самого начала.

Она развернулась и направилась к выходу. Майк перехватил ее.

– Постой-ка, лучше тебе переодеться.

Оливия посмотрела на свой залитый кровью хирургический костюм и засомневалась в своих силах. Она явно была не способна мыслить здраво.

Переодевшись в комнате отдыха, Оливия вышла в небольшую, уединенную комнату ожидания. Через большое окно в коридоре она видела, как в темноте пляшут крупные снежные хлопья. Ей захотелось хотя бы на минуту выйти на улицу. У нее все еще ломило тело от напряжения и неудобной позы, и ей отчаянно не хотелось разговаривать с семьей Анни. Она надеялась, что Кевин Рикерт, социальный работник, подготовил их к тому, что им предстояло от нее услышать.

Кевин вздохнул с облегчением, увидев ее.

– Это доктор Саймон, – сказал он.

Перед Оливией стояли трое: девочка лет тринадцати, поразительно похожая на Анни, парнишка, на несколько лет старше, и мужчина. Она поняла, что это муж Анни, Алек О'Нил. Темноволосый, высокий, худой, но мускулистый, он был в джинсах и голубом свитере. Он неуверенно протянул ей руку, а очень светлые голубые глаза словно спрашивали, какое будущее его ждет.

Оливия быстро пожала протянутую руку.

– Здравствуйте, мистер О'Нил. – Она старалась говорить медленно, отчетливо. – Мне очень жаль. Пуля прошла через сердце. Повреждения оказались слишком серьезными.

В его глазах все еще светилась надежда. Но его сын сразу все понял. Он казался юной копией своего отца, те же черные волосы, голубые глаза под темными бровями. Он отвернулся к стене, ссутулился, но не произнес ни звука, не заплакал.

– Вы понимаете, что говорит вам доктор Саймон? – уточнил Кевин.

Алек продолжал не мигая смотреть на Оливию.

– Вы хотите сказать, что Анни умерла?

Оливия кивнула:

– Мне очень жаль. Мы пытались спасти ее, но...

– Нет! – Девочка бросилась к Оливии, толкнула, попыталась ударить. Кевин успел перехватить ее руку. – Она не может умереть! – крикнула дочь Анни. – Крови совсем не было!

Алек О’Нил обнял дочь, прижал к себе.

– Тише, Лэйси.

Оливия погладила девочку по плечу. Откуда она знает, что крови не было?

– У нее было внутреннее кровотечение, дорогая, – объяснила Оливия.

Девочка сбросила ее руку:

– Я вам не дорогая.

Алек О’Нил крепче прижал к себе дочь, и она начала всхлипывать, уткнувшись ему в грудь. Оливия посмотрела на Кевина. Она чувствовала себя беспомощной.

– Я побуду с ними, – пообещал Кевин.

Оливия подошла к двери, но на пороге обернулась и еще раз посмотрела на семью Анни Чейз О’Нил.

– Если у вас возникнут вопросы, вы можете позвонить мне.

Алек посмотрел на нее через комнату, и Оливия подняла голову, заставляя себя смотреть в его глаза, в которых плескалась боль. Он лишился дорогого существа. А что она может дать ему взамен?

– Анни была очень красивой, – прошептала Оливия.

Джонатан и пилот вертолета стояли в коридоре, и Оливии пришлось пройти мимо них, когда она возвращалась в свой кабинет.

– Отличная работа, – насмешливо бросил Джонатан.

Оливия проигнорировала его, вошла в свой кабинет, плотно закрыла за собой дверь и распахнула окно, впуская холодный воздух. Снег все еще шел, но так тихо, что когда Оливия затаила дыхание, то слышала рокот океана.

Вскоре к ней заглянул Кевин.

– С тобой все в порядке, Оливия?

Она оторвалась от окна и села за свой стол.

– Да. А как ее семья?

Кевин вошел в кабинет.

– Отец и сын пошли попрощаться с ней. – Он сел напротив нее. – Девочка не захотела. Надеюсь, с ними все будет в порядке. Хорошая, крепкая семья, но мать была опорой, так что наверняка ничего нельзя сказать. – Кевин покачал головой: – Иногда жизнь чертовски несправедлива, правда?

– Да.

– Я вижу, тебе тоже нелегко.

Оливия почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Кевин вытащил бумажный носовой платок из пачки на столе и протянул ей.

– Кремер настоящий сукин сын, – заявил он.

– Я в порядке, – Оливия выпрямилась, высморкалась. – Слушай, тебе когда-нибудь приходилось успокаивать Джонатана или Майка, давать им платок?

Кевин улыбнулся.

– А ты думаешь, что у женщин исключительное право на то, чтобы чувствовать себя последним дерьмом?

Оливия вспомнила, как смотрел на нее Алек О’Нил, когда она выходила из комнаты ожидания. Ей никогда не забыть выражения его глаз.

– Думаю, нет. Спасибо, что заглянул ко мне, Кевин.

Ее смена давно закончилась. Она могла уехать домой в любое время. Предстоит вернуться в свой дом на берегу и рассказать Полу о том, что произошло. Еще один мужчина поникнет от горя. Что такого особенного было в Анни О’Нил?

Она опустила глаза, посмотрела на свои руки, лежавшие на коленях. Оливия повернула руку ладонью вверх, и ей показалось, что она все еще чувствует живое, теплое сердце Анни.

2

Без четверти восемь Пол Маселли выключил огни на рождественской елке и вернулся к столу. Все давно остыло – индейка, сладкий картофель и зеленый горошек. Соус на блюде застыл, и, когда Пол ковырнул его ножом, на серебре осталась коричневая пленка. Накрывая на стол, он не забыл зажечь свечи, налить вино в красивые бокалы. Черт бы побрал Оливию! Пол не мог не сердиться на нее. Работа была для нее важнее их брака. Даже в Рождество его жена не могла вовремя уйти из больницы.

Пол посмотрел на елку. Вероятно, он вообще не стал бы покупать ее, но Оливия за неделю до праздника сама принесла в дом голубую ель и поставила у окна, выходящего на берег. Она украсила деревце теми игрушками, которые накопились за девять лет их супружества, повесила гирлянду из разноцветных лампочек. Год назад Пол разбил хрустальную звезду, которой они всегда украшали макушку, поэтому он считал своим долгом приобрести замену. Он точно знал, что намерен купить, потому что давно присмотрел украшение в мастерской Анни. Пол радовался тому, что нашел предлог еще раз заглянуть к ней, окунуться в ту атмосферу, которую создавали ее работы и фотографии на стенах. Но в то утро Анни в мастерской не оказалось, и Полу пришлось постараться, чтобы скрыть свое разочарование. Том Нестор, художник, с которым Анни делила мастерскую, завернул украшение в папиросную бумагу.

– Мне неприятно брать с вас деньги, – признался Том. – Анни наверняка отдала бы свою работу даром.

Пол улыбнулся.

– Анни раздала бы все, если бы могла, – сказал он, и Том улыбнулся в ответ, словно только они двое знали тайну и понимали, какова Анни на самом деле.

Пол принес украшение домой и укрепил на верхушке елки. Это был стилизованный ангел из цветного стекла. Серебристо-белое одеяние ангела напоминало жидкий шелк, и такого эффекта могла добиться только Анни. Пол так и не сумел понять, как ей это удается.

Когда Оливия увидела ангела, в ее глазах появилось выражение обреченности.

– Тебе не нравится? – спросил Пол.

– Почему же, нравится. – Оливия изо всех сил старалась выглядеть искренней. – Очень красиво.

Пол наконец услышал шум мотора, когда машина жены въехала в гараж, и угрюмо нахмурился. Через минуту Оливия вошла в дом, снимая на ходу серый шарф. Она заглянула в столовую, тряхнула головой, словно пыталась сбросить с блестящих каштановых волос снежинки.

– Привет, – негромко поздоровалась она, сняла пальто и повесила его в шкаф в прихожей.

Пол ссутулился в кресле и мрачно смотрел на жену. В эту минуту он был недоволен не только ею, но и собой. Он опять думал об Анни.

– Почему ты не зажег свет? – поинтересовалась Оливия. Она нажала на выключатель у двери, вспыхнула люстра под потолком, и ангел Анни ожил, как будто ветерок шевельнул его серебряные одежды.

Пол не ответил на ее вопрос. Оливия подошла к столу и села напротив мужа. Сильвия, дымчато-серая персидская кошка, тут же запрыгнула ей на колени.

– Прости, я задержалась, – извинилась Оливия, машинально поглаживая кошку. – У меня был очень тяжелый пациент.

– Все остыло.

Она посмотрела на еду, потом на Пола. Ее глаза каждый раз удивляли его. Зеленые, в окружении длинных темных ресниц, они резко выделялись на молочно-белой коже.

– Пол, моей пациенткой была Анни О’Нил.

Он резко выпрямился в кресле.

– Что произошло?

– Сегодня вечером Анни работала в приюте для женщин в Мантео. Там началась перестрелка.

– Она в порядке?

Оливия покачала головой:

– Мне очень жаль, Пол. Анни умерла.

Он поднялся так резко, что Оливия вздрогнула. На столе зазвенела посуда.

– Что за дурацкие шутки? – рявкнул Пол, отлично зная, что Оливия никогда не шутила такими вещами.

– Пуля попала ей в сердце.

– Прошу тебя, Оливия, скажи, что это неправда. Пожалуйста, Оливия.

– Мне жаль.

Она была такой спокойной. Такой холодной. Пол ненавидел ее в это мгновение.

Пол повернулся и направился к лестнице. Оливия пошла следом за ним. Он достал чемодан из кладовой, принес его в спальню и бросил на кровать. Оливия стояла в дверях и смотрела, как муж достаёт аккуратно развешанные вещи из шкафа и швыряет их в чемодан вместе с вешалками.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Я не могу здесь больше находиться, – Полу был неприятен звук ее голоса, ее присутствие. Она никогда этого не поймет.

– Пол! – Оливия сделала шаг к нему, но потом как будто передумала и снова застыла на пороге, вцепившись в косяк. – Это безумие, Пол. Ты едва знал ее. Я понимаю, ты был просто одержим ею. Ты сам употребил это слово, помнишь? Но ты говорил, что Анни не отвечает тебе взаимностью, что она счастлива со своим мужем. Кстати, я видела его сегодня. Мне пришлось сказать ему...

Пол развернулся к ней.

– Заткнись! – прорычал он.

Оливия попятилась, и Пол понял, что напугал ее. Он и сам боялся себя. Это был новый, чужой Пол Маселли, совсем не тот человек, каким он был последние тридцать девять лет.

Оливия сцепила руки перед собой и теребила обручальное кольцо с бриллиантом.

– Ты можешь говорить о ней, если хочешь, – очень тихо сказала она. – Я не забыла, как говорила тебе, что больше не хочу ничего о ней слышать. Но сейчас все изменилось. Я выслушаю тебя. Только прошу тебя, Пол, не уходи. Пожалуйста. – Оливия всхлипнула, и Пол поморщился. Ему хотелось закрыть уши руками, только бы не слышать голоса жены.

Он вышел в ванную комнату, забрал зубную щетку и бритву. Вернувшись в спальню, Пол побросал все это в чемодан, закрыл «молнию» и наконец поднял глаза на Оливию. Ее щеки покраснели от мороза, в глазах блестели слезы, но у него не было ни малейшего желания говорить с ней. Он посмотрел мимо нее, в коридор, слабо освещенный светом из столовой.

– Прости, Оливия.

Пол прошел мимо жены, старательно отведя глаза. Он нарочно стучал каблуками по деревянной лестнице, чтобы не услышать, если она заплачет.

Обычно Пол был очень дисциплинированным водителем, но теперь он забыл об осторожности. Машины, встретившиеся ему на автостраде, медленно ползли по обледенелой дороге, а Пол снова и снова давил на педаль газа своей серой «Хонды». Он чувствовал, что

машина плохо слушается руля, но его это не заботило. Пол даже не притормозил, проезжая мимо мастерской Анни в Килл-Дэвил-Хиллз, хотя внимательно посмотрел на здание. Иногда свет горел даже по ночам, заставляя оживать витражи в окнах. Но этим вечером за стеклами было темно, и они казались непроницаемыми, словно грифельная доска.

Снег бесшумно ложился на ветровое стекло машины. Пол едва не проехал мимо парковки у здания редакции. Там стояла еще одна машина – голубой фургон, и Пол не удивился, увидев ее. Гейб Форрестер, репортер отдела криминальной хроники, вероятно, порадовался неожиданной сенсации.

Пол даже не зашел в свой кабинет, а сразу же постучался к Гейбу. Тот только что закончил говорить по телефону.

– Маселли! – воскликнул он. – Ты выглядишь ужасно, приятель. Что ты здесь делаешь в такой час?

– Я узнал об убийстве в Мантео и подумал, что смогу тебе чем-нибудь помочь. Я могу дать тебе цветные фотографии жертвы. – Пол замер, ожидая, что Гейб удивится и скажет, что понятия не имеет, о чем он говорит. Может быть, Оливия все-таки это придумала?

– Да, мне понадобится большая фотография. – Гейб откинулся на спинку кресла, его широкое добродушное лицо помрачнело. – Анни О’Нил. Ты, вероятно, не знал ее. Ты ведь недавно в наших краях.

– Я делал репортаж о ней для журнала «Морской пейзаж».

– Верно! Я и забыл. Тогда ты именно тот, кто мне нужен. – Гейб покачал головой, грустно улыбнулся. – Она была единственной в своем роде, поверь мне. Я должен позвонить жене и рассказать о том, что случилось, но никак не могу заставить себя это сделать. Это будут самые пышные и многолюдные похороны. – Гейб выглянул в окно. Снегопад начал стихать, отдельные снежинки медленно кружились в свете фонаря. – Не представляю, как я скажу об этом детям, – продолжал Форрестер. – Анни тренировала команду Дженни по софтболу и была крестной матерью нашего Джимми. Необыкновенная женщина, с добрым сердцем, но немного эксцентричная. – Гейб поджал тонкие губы и ладонями погладил крышку стола. – Бедняга Алек. Ты знаешь ее мужа? Он работает в ветлечебнице.

Пол покачал головой и сел напротив Гейба, потому что ноги отказывались держать его. Ему пришлось сжать дрожащие руки коленями.

– Как это случилось? – спросил он.

Гейб вздохнул:

– Анни раздавала угощения женщинам и детям в приюте в Мантео, когда этот парень... – Гейб поднял блокнот и прочитал имя и фамилию: – Закари Пойнтер, вошел туда и начал угрожать своей жене. У него был револьвер, и он наставил его на жену. Он кричал, что она посмела увезти от него детей на Рождество, и так далее, и тому подобное. Анни встала между ними, закрывая собой женщину. Она заговорила с Пойнтером, пыталась вразумить его, а этот убудок выстрелил. И попал в Анни. Все случилось слишком быстро. – Гейб щелкнул пальцами. – Пойнтер в тюрьме. Надеюсь, его казнят.

Пола пробил озноб, несмотря на теплое пальто. Он постарался сохранить на лице спокойное, бесстрастное выражение.

– Мне пора приниматься за статью, – заявил он, поднимаясь. Уже у двери Пол обернулся: – Кстати, ты будешь говорить с ее семьей?

– Я собираюсь это сделать. Хочешь сам этим заняться?

– Нет, нет. Я просто хотел сказать, что это должен сделать кто-то один из нас. Незачем им дважды отвечать на одни и те же вопросы. Ладно, оставляю это тебе, договорились?

Ну не мог он разговаривать с Алексом О’Нилом! Пол не был знаком с ним. Да он и не желал знакомиться с мужчиной, с которым спала Анни, хотя и видел ее мужа несколько раз. В последний раз это случилось в мастерской Анни. Когда Алек вошел в комнату, чтобы

поговорить с женой, Пол сделал вид, что увлечен разглядыванием витрины. Но на стене висело зеркало, и Пол наблюдал, как Анни и Алек тихо разговаривают, склонив друг к другу головы.

Когда Алек собрался уходить, Анни погладила его по спине, а Алек поцеловал ее в висок. Пол зажмурился, только бы не видеть этой близости. Нет, он не способен разговаривать с Алеком О'Нилом.

Пол заглянул в архив, вытащил из ящика пухлую папку с материалами об Анни. Они были ему хорошо знакомы, он не раз просматривал их, когда готовил статью о ней для местного журнала. Пол отнес папку в свой кабинет, положил на стол и сел, так и не сняв пальто.

Под картонной обложкой хранились десятки статей об Анни О'Нил – художнице, фотографе, президенте местного отделения Лиги защиты животных. Несколько раз журналисты не удержались и называли ее Святой Анной. Она только улыбалась, когда слышала это прозвище. Самая старая статья, пожелтевшая от времени, была датирована 1975 годом. Заголовок гласил: «Художница пытается спасти от выселения смотрительницу маяка». Ну да, конечно. Тогда Анни впервые прославилась на Внешней косе.

Пол расправил вырезку и быстро пробежал глазами. В 1975 году Служба заповедников решила прибрать к рукам Киссриверский маяк. Руководству пришла в голову мысль использовать половину дома смотрителя в качестве своей штаб-квартиры, а во второй половине устроить некоторое подобие музея для туристов. Анни познакомилась со старой Мэри Пур, которая была в то время смотрительницей маяка. Женщине было за семьдесят, и она прожила в этом доме большую часть своей жизни. Анни считала, что выселение этой женщины было бы величайшей несправедливостью, и она сумела добиться того, что общественность встала на ее сторону. Службе заповедников не оставалось ничего другого, как оставить половину дома в полном распоряжении Мэри Пур.

Статья сопровождалась фотографией Анни, при одном взгляде на которую у Пола больно сдавило грудь. Он долго смотрел на снимок, потом зажмурился. Несчастный случай. Будь ты проклята, Оливия!

Редактор «Береговой газеты» не раз выговаривал Полу за то, что тот был «излишне эмоционален» в своих статьях. Точно такие же упреки он слышал, когда работал в «Вашингтон пост». Как ему избежать этого, когда он станет писать последнюю статью об Анни? «Ты сумеешь романтизировать даже эпидемию гриппа, – как-то сказал ему редактор «Вашингтон пост». – Когда переступаешь порог редакции, забудь, что ты поэт».

В течение следующего часа Пол набросал план статьи об Анни и составил список тех, у кого стоило взять интервью. Разумеется, он включил туда Тома Нестора и директора приюта для женщин, пострадавших от домашнего насилия, потом добавил туда еще несколько имен. У него было достаточно времени. «Береговая газета» выходила всего три раза в неделю. Очередной выпуск должен был поступить к читателям только через два дня.

Пол вышел из здания и снова уселся в машину. Ему показалось, что чемодан хмуро смотрит на него с заднего сиденья и словно спрашивает: «Ну что, куда отправимся теперь?» Он знал, где сможет найти комнату, но это могло подождать.

Пол снова выехал на скоростное шоссе, направился на север и через пару миль свернул на стоянку недалеко от Джоки-Ридж. Выбравшись из машины, он медленно пошел по песку к высоким дюнам. Пока он сидел в редакции, снег прекратился, и теперь небо очистилось и украсилось сияющими звездами. Очень быстро дюны обступили его со всех сторон, словно волшебный лунный пейзаж, и Пол наслаждался одиночеством и тишиной. Его тяжелое дыхание было единственным звуком, нарушавшим молчание ночи, пока он карабкался на высокий, усыпанный снегом песчаный холм. Запотели очки, и он снял их, чтобы без помех добраться до вершины.

У него заныли мышцы ног от непривычной нагрузки, но он уже стоял на вершине. Надев очки, Пол повернулся к северу. Холодный резкий ветер ударил ему в лицо, щеки царапали песчинки. Он засунул озябшие руки поглубже в карманы и отрешился от всего. Его взгляд был прикован к горизонту. Он ждал.

Да, вот оно. Свет, и снова темнота. Пол медленно считал про себя. Один, один-ноль, два, один-ноль, три, один-ноль, четыре, один-ноль. И снова свет. Киссриверский маяк стоял на месте. Пол следил за сменой света и тьмы, приравливаясь к медленному, томительному ритму. Чистый ясный луч прорезал ночь над водой. Анни сказала ему во время интервью, что не видит смысла в прозрачном стекле: «Это все равно что жить и не любить». Она рассказала ему о своей фантазии. Ей хотелось поставить витражи на фонарь маяка.

«Это будут женщины в длинных, летящих платьях, розовых, сиреневых, льдисто-голубых».

В своей статье Пол не упомянул об этом. Много из того, что говорила Анни, он сохранил только для себя.

Порыв ледяного ветра забрался к нему под пальто, глаза заслезились.

Он опустился на холодный песок, уронил голову на руки и наконец разрешил себе заплакать. Он горевал о том, что потерял, и о том, чего никогда не имел.

3

Июнь 1991 года

Любимым воспоминанием Алека О'Нила об Анни было самое первое. Он стоял на том же самом месте, на берегу океана, и ночь была такой же безлунной, воздух казался черным и липким как вар. Высоко над ним маяк бросал в темноту луч света каждые четыре с половиной секунды. Мрак между вспышками света казался вечностью.

Во время очередной вспышки он увидел, что по берегу к нему идет молодая женщина. Сначала Алеку показалось, что она лишь плод его воображения. Когда стоишь один на берегу и ждешь, как маяк в очередной раз разрушит тьму, что-то происходит с головой. Но нет, женщина оказалась реальной. Потом он разглядел ее длинные рыжие волосы, желтый рюкзак, переброшенный через правое плечо. Она была на год-два моложе его, лет двадцати или около того. Подойдя к нему ближе, она заговорила, а он стоял зачарованный. Ее хрипловатый голос сразу понравился ему.

Она сказала, что ее зовут Анни Чейз и она путешествует автостопом из Массачусетса во Флориду, держась ближе к берегу. Она хотела прикоснуться к океану в каждом штате. Ей хотелось почувствовать, как вода становится все теплее, по мере того, как она движется на юг. Алек был заинтригован и молчал, не находя слов для ответа. В очередной вспышке света он увидел, как она раскладывает на песке полосатое мексиканское одеяло.

– Я несколько дней не занималась любовью, – неожиданно сказала Анни, беря его за руку в темноте.

Алек послушно опустился рядом с ней и неожиданно застеснялся, когда ее пальцы коснулись «молнии» на его джинсах. Это был 1971 год, пять лет прошло после его первого любовного опыта, ему было двадцать два. Но он совершенно не знал ее.

Алек едва смог сконцентрироваться на собственных ощущениях, настолько его захватили ее ощущения. Маяк словно дразнил его, озаряя их светом на короткий миг. В полной темноте он мог доверять только своим рукам, которые чувствовали ее тело. Ритм маяка сбивал его собственный. Они затратили немало усилий, принаравливаясь друг к другу.

Алек отвел Анни в коттедж, который снимал вместе с приятелями, выпускниками Технологического университета Виргинии. Они проводили лето, работая на одну из строительных фирм на Внешней косе. Осенью их ждала аспирантура. Последние пару недель они красили Киссриверский маяк и ремонтировали дом смотрителя. По вечерам они напивались и искали встреч с женщинами, но на этот раз они сидели вместе с Анни в маленькой гостиной, ели гранаты, которые она достала из рюкзака, и играли в игры, которые она придумывала с ходу.

– Заканчиваем предложение, – объявила она, мгновенно завладев их вниманием. Ее голос с явным бостонским акцентом казался голосом человека с другой планеты. – Я дорожу... – Она вопросительно посмотрела на Роджера Такера.

– Моим серфом, – честно признался Роджер.

– Моим «Харлеем», – продолжил его брат Джим.

– Моим членом, – захохотал Билл Ларкин.

Анни округлила глаза в насмешливом возмущении и повернулась к Алеку:

– Я дорожу...

– Этим вечером, – сказал он.

– Этим вечером, – подтвердила она с улыбкой.

Алек не мог отвести от нее глаз. Она кинула в рот новое рубиновое зернышко граната, а другое оставила в ладони. Так продолжалось, пока они играли. Одно зернышко в рот, другое

в ладонь, пока ее рука не наполнилась сочными красными зернами. Когда от граната осталась лишь пустая кожура, она подняла руку к свету, любуясь зернами, словно рубинами.

Алек удивлялся тому, что его друзья сидят в доме, совершенно трезвые, и играют в детские игры, но он понимал их. Они попали под действие ее чар. Анни мгновенно стала центром их маленького мирка и центром Вселенной.

– Я хочу... – предложила новый вариант Анни.

– Женщину, – прорычал Роджер.

– Пива, – не согласился с ним Джим.

– Чтобы меня трахнули. – Ответ Билла можно было предсказать заранее.

– Тебя, – выпалил Алек, удивив самого себя.

Анни взяла зернышко из кучки на ладони и положила его в рот Алеку.

– Я хочу, чтобы меня обняли, – сказала она. В ее глазах Алек увидел вопрос. «Ты можешь это сделать? Потому что к такому желанию нельзя отнестись шутя».

Позже, ночью, в своей постели, Алек понял, о чем говорила Анни. Казалось, она никак не может успокоиться в его объятиях.

– Я могла бы полюбить мужчину без ног, без мозгов или без сердца, – прошептала Анни, – но я бы не смогла полюбить мужчину без рук.

Она поселилась в комнате Алека, забыв о своем путешествии к югу. Анни как будто нашла то, что искала, и намеревалась остаться с ним навсегда. Это даже не обсуждалось. Ей нравилось, что Алек учится и собирается стать ветеринаром. Она приносила ему первых пациентов: чайку с перебитым крылом, худых кошек с рваными ушами или ранеными лапами. За неделю Анни нашла столько несчастных животных, сколько обычный человек встречает за всю жизнь. Не то чтобы она специально искала их, они сами находили ее. Позже Алек понял, почему их тянуло к ней. У Анни тоже были раны, только они были не явными. Физически она была совершенством. Ее боль притаилась внутри, и за лето Алек понял, что Анни возложила на него задачу излечить ее.

Двадцать лет прошло после той, первой, ночи. Алек О'Нил снова стоял на берегу, окруженный плотной темнотой, и напряженно ждал очередной вспышки света. Это были прекрасные двадцать лет, но все кончилось на Рождество, всего пять месяцев назад. Алек приходил к маяку три-четыре раза в неделю, потому что именно это место сильнее других напоминало ему об Анни. Испытывал ли он здесь покой? Не совсем. Просто возле маяка он был с ней. Настолько близко, насколько мог.

У него за спиной раздался шорох. Алек повернул голову, прислушался. Может быть, это был один из диких мустангов, из тех, что паслись вдоль дороги у Киссривер. Нет, Алек слышал шаги, приближавшиеся к нему со стороны дубовой рощицы у дороги. Он вглядывался в темноту, ожидая очередной вспышки света.

– Папа!

Яркий луч маяка выхватил из темноты темные волосы его сына, красную футболку. Наверное, Клай пошел следом за ним. Он приблизился к отцу, встал рядом. Клаю уже исполнилось семнадцать, за последний год он вытянулся и догнал ростом отца. Алек никак не мог к этому привыкнуть.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Клай.

– Просто наблюдаю за маяком.

Клай стоял молча, он пропустил две вспышки фонаря, прежде чем заговорил снова.

– Так это сюда ты ходишь по вечерам? – негромко спросил он. Алек заметил, что и сын, и дочь всегда приглушают голос и осторожно подбирают слова, когда говорят с ним.

– Здесь мне все напоминает о твоей матери, – ответил Алек.

Клай опять надолго замолчал.

– Пойдем домой, – предложил он. – Мы могли бы взять фильм напрокат или придумать что-нибудь еще.

Была суббота, прошло уже две недели после того, как Клай закончил школу. Ему наверняка было чем заняться вместо того, чтобы смотреть фильм с отцом. В следующее мгновение света Алеку показалось, что он видит страх в глазах сына. Он положил руку ему на плечо.

– Со мной все в порядке, Клай. Иди по своим делам. У тебя наверняка есть планы на вечер.

Клай замялся:

– Ладно, если что, я буду у Терри.

– Отлично.

Алек прислушивался к удаляющимся шагам сына до тех пор, пока единственным звуком не осталось мерное бормотание волн. Тогда он сел на песок, уперся локтями в колени и стал смотреть на далекий желтый огонек в океане.

– Помнишь, Анни, как мы увидели горящий корабль? – Он произнес это вслух, но шепотом.

Это случилось очень давно, лет десять назад, а может, и больше. Они находились на том же самом месте, наверное, занимались любовью или собирались это сделать, когда увидели на горизонте огненный шар. Вверх взмывали языки пламени, золотя волны. Дом смотрителя маяка оказался заперт, света в окнах не было. Мэри Пур уже спала, поэтому Алек доехал до телефона-автомата и позвонил в береговую охрану. Ему ответили, что катер уже на месте пожара. Команду успели снять с судна, все в безопасности.

Но когда Алек вернулся к Анни, та рыдала, представив собственный сценарий происходящего. На борту были дети, заявила она ему, и старики, слишком слабые, чтобы спастись. Он успокоил ее, рассказав, как все происходило на самом деле, но прошло немало времени, прежде чем она сумела отогнать кошмарные видения. Они смотрели, как догорал корабль, пока в небо не поднялся столб черного дыма.

Только прошлым летом они занимались любовью на этом берегу. Парковка закрывалась с наступлением сумерек, но они никогда не считали, что цепь перекрывает дорогу для них. Никто ни разу их не потревожил, хотя они знали, что Мэри Пур спит неподалеку.

Они плавали по ночам, если океан был спокойным. Алек всегда первым выходил на берег, потому что ему нравилось смотреть, как Анни поднимается из воды, подобно сверкающему видению в ярком свете маяка. Ее волосы обычно темнели и распрямлялись от воды, облепляя сверкающим красным золотом ее голову, плечи, груди. Как-то раз она осталась стоять в воде, отжимая волосы и глядя на маяк. Она что-то такое сказала о нем, о том, что он вселяет покой и в тех, кто в море, и в тех, кто на суше.

– Это подлинная ценность, – сказала тогда Анни. – Маяк помогает проложить курс и избежать опасности.

Тогда Алек почувствовал комок в горле, словно предвидел, что случится дальше, что он потеряет. Он-то думал, что потеряет маяк, но не предполагал, что лишится Анни.

Маяк был единственной причиной разногласий между ними. Он стоял очень близко к воде, в отличие от маяков в Карритак-Бич на севере и в Боди-Айленд на юге, стоявших дальше на суше и находившихся в безопасности. С каждым годом океан подбирался все ближе к основанию Киссриверского маяка, и Алек примкнул к тем, кто вел отчаянную битву за его сохранение, тогда как Анни держалась в стороне от этой проблемы.

– Если пришло время морю забрать маяк, надо отпустить его.

Всякий раз, когда Анни так говорила, Алек представлял себе грациозный белоснежный маяк разрушенным, и тоска переполняла его сердце.

Сидя на берегу, Алек закрыл глаза, ожидая, когда следующая вспышка света красным лучом проникнет сквозь его веки. Если долго просидеть, глядя на маяк, то сердце начнет

биться медленнее, почти в ритме смены тьмы и света, пока не покажется, что оно не бьется совсем.

4

Оливия все время думала об Анни О'Нил. Навязчивые мысли не отпускали, и ей становилось только хуже. И теперь, когда она сидела в собственной гостиной и наблюдала за тем, как Пол и загорелый парень, нанятый им, выносят из дома коробки и ящики, Оливия ощущала, как эта одержимость поглощает ее душу.

Ей не хотелось присутствовать при том, как Пол будет вывозить свои вещи. Она не ожидала, что он займется этим так скоро, так внезапно. Но утром муж позвонил и сообщил, что одолжил у приятеля фургон и готов заняться переездом. Не будет ли Оливия возражать? Она ответила, что не будет, потому что ей хотелось увидеться с мужем. Она пользовалась любой возможностью встретиться с ним, хотя после каждой встречи чувствовала себя совершенно разбитой. Прошло чуть больше пяти месяцев после того, как Пол ушел из дома, а у нее все еще болело сердце, когда она видела его. Даже после того, как Пол встретился с юристом и подписал договор о долгосрочной аренде коттеджа в Саут-Нэгс-Хед, подальше от жены, Оливия все еще надеялась, что он опомнится.

Пол остановился под аркой, отделявшей гостиную от столовой, вынул платок из кармана шорт и вытер вспотевший лоб.

– Ты действительно не претендуешь на гарнитур из столовой? – спросил он.

Некоторое время назад он снял рубашку, и его торс блестел. Темно-русые волосы намокли от пота, и он отбросил их назад. Очки поблескивали в солнечном свете, падавшем из окна. Оливия почувствовала прилив желания, но посмотрела мимо мужа.

– Гарнитур твой, – ответила она, придерживая пальцем страницу журнала, который лежал у нее на коленях. – Он много лет принадлежал твоей семье.

– Но я знаю, что гарнитур тебе нравится.

Оливия подумала, что муж все-таки чувствует себя виноватым.

– Он должен остаться у тебя, – твердо сказала она.

Пол долго смотрел на нее, потом побормотал:

– Мне жаль, Лив.

Она так часто слышала от него эти слова за последние несколько месяцев, что они потеряли для нее всякий смысл. Оливия увидела, как Пол берет два стула и несет их к двери.

Она сидела на диване словно приклеенная, боясь пройтись по дому и увидеть пустоту на месте тех вещей, которые забрал Пол. Как только он и его помощник уйдут, она соберется с силами, возьмет себя в руки и осмотрит дом. Медленно, внимательно. Это пойдет ей на пользу. Возможно, она осознает реальность происходящего и перестанет надеяться.

Пол вернулся в столовую. Оливия стояла на пороге и смотрела, как он и приехавший с ним парень переворачивают стол, отвинчивают ножки. Когда последний шуруп покинул свое гнездо, Пол встал и посмотрел на жену. Поправив очки в тонкой золотой оправе, он улыбнулся ей, но это ничего не значило. Просто нервное подергивание губ. Пол так и сохранил вид отрешенного от повседневности ученого сухаря, который привлек Оливию десять лет назад, когда он работал в «Вашингтон пост», а она в городской больнице.

Оливия подумала о том, что в ее власти мгновенно остановить происходящее. Она представила себе эту сцену. Достаточно ей произнести: «Я беременна», как Пол уронит ножку стола и устанет на нее. «Господи, Лив, почему ты раньше об этом молчала?» – воскликнет он. Может быть, эта новость выведет его из дурацкого ступора, в котором он пребывает после смерти Анни О'Нил. Но Оливия ничего ему не скажет. Она не хотела, чтобы он вернулся домой только из-за ребенка. Если ему суждено вернуться, то причиной этого должна быть любовь к ней. На меньшее Оливия не согласна.

Она налила себе имбирного эля и вернулась на диван в гостиной. Мужчины вынесли стол и погрузили в фургон. Оливия слышала, как Пол отправлял помощника перекусить.

– Встретимся в моем коттедже в два часа, – сказал Пол.

Он вернулся в дом, медленно прошел через кухню, заглянул в кабинет, в спальню, проверяя, не забыл ли взять что-то еще из своих вещей. Закончив обход, он сел в плетеное кресло напротив Оливии. В руках он держал тоненький томик своих стихов, опубликованный несколько лет назад под названием «Сладкое пришествие», и книгу, написанную ими в соавторстве, «Крушение «Восточного духа».

– Ну как твои дела? – поинтересовался Пол.

Оливия отпила эль.

– Работаю.

– Ты меня не удивила. – Его голос сочился сарказмом, но Пол спохватился и сказал намного мягче: – Это хорошо, я полагаю. Лучше, если тебе есть чем заняться.

– Я работаю волонтером в приюте для женщин в Мантео. – Оливия пристально вглядывалась в лицо Пола. Его выражение резко изменилось. Кровь отлила от щек, глаза за стеклами очков расширились. Он подался вперед:

– Зачем?

Оливия пожала плечами:

– Чтобы занять свободное время. Я работаю там пару вечеров в неделю. Им в самом деле нужна помощь. В таких местах инфекции распространяются как лесной пожар.

Сначала ей было нелегко там работать. Все говорили об Анни с таким же благоговением, как и Пол. Сделанные ею фотографии украшали стены, в каждом окне были созданные ею витражи, осыпавшие населяющих приют женщин и неугомных детей веселыми цветными пятнами.

– Это мрачное место, Лив.

Она рассмеялась:

– Ты не забыл, что я работала в округе Колумбия?

– Ты не можешь предвидеть, что может случиться в подобном месте.

– Это не имеет значения.

Пол откинулся на спинку кресла, вздохнул. Оливия знала, что последние несколько недель он писал о процессе над Закари Пойнтером. Она не читала его статей. Ей не хотелось знать, как он станет при каждом удобном случае восхвалять Анни, не хотелось разделить его радость по поводу того, что Пойнтеру дали пожизненный срок.

– Послушай, – прервал ее размышления Пол. – Я давно хотел спросить тебя кое о чем. Только не сердись, ладно? То есть я хотел сказать, что твой ответ не повлияет на мое отношение к тебе. Ты ведь всего лишь человек, верно? – На его губах снова появилась быстрая, нервная улыбка. Он бездумно листал страницы сборника собственных стихотворений, а Оливия ждала, пока он заговорит. – Когда в ту ночь в операционной ты поняла, что перед тобой Анни, это повлияло на твоё отношение к ней как к пациентке? – наконец спросил Пол. – Ты так же боролась за её жизнь, как если бы это была любая другая женщина, или... – Он, наверное, заметил выражение её лица, потому что тут же осекся.

Пальцы Оливии, обхватившие стакан с элем, побелели от напряжения. Она резко встала.

– Ублюдок!

Пол положил книги на низкий столик и подошел к ней, положил руку ей на локоть.

– Прости меня, Лив. Я был не прав. Только... я все время об этом думал. Если бы на твоём месте оказался я, я не уверен, сумел бы я...

Оливия вырвала руку:

– Тебе лучше уйти, Пол.

Он вернулся к столику, забрал книги и, не оглянувшись, вышел из дома. Когда за ним захлопнулась дверь, Оливия села. У нее ослабели ноги, она не могла заставить себя пройти по дому. Она поняла, насколько они с мужем далеки от примирения, раз он мог так о ней подумать. Но ведь и она сама не раз спрашивала себя об этом. Разве в самые мрачные минуты она не задавала себе тот же вопрос? Оливия знала ответ. Она приложила все силы, чтобы спасти Анни О'Нил. Этот случай оказался самым тяжелым за все годы практики, но Оливия сделала все, что могла, хотя горькая ирония происходящего не укрылась от ее внимания в ту минуту. Жизнь женщины, которую любил ее муж, в буквальном смысле слова была в руках Оливии.

Пол не скрывал от жены своего увлечения Анни, и поначалу именно поэтому Оливия чувствовала себя в безопасности. Она рассудила, что если бы Анни угрожала их браку, то муж никогда бы не стал настолько открыто говорить о своих чувствах. Все началось со статьи, которую он писал об Анни для «Морского пейзажа». Пол говорил о ней с искренним восхищением, но восхищение быстро превратилось в одержимость. Это напоминало болезнь.

Пол уверял Оливию, что Анни не отвечает на его чувства. Она едва помнила о его существовании. И все-таки он не мог говорить ни о ком и ни о чем другом. Оливия выслушивала длинные рассказы о красоте Анни, о ее безграничной щедрости, очаровательной эксцентричности, невероятной энергии и необычайном таланте. Оливия слушала, делала вид, что ей интересно. Она говорила себе, что увлечение мужа скоро пройдет. Когда же этого не произошло, она очень мягко, тактично намекнула Полу, что он хватил через край. Нет, ответил он тогда. Оливия просто ничего не понимает.

Только когда Пол заговорил о детях Анни, Оливия почувствовала угрозу. Ее муж вырос в большой дружной семье, где, кроме него, было еще пятеро детей. Он жаждал обзавестись собственными малышами, и все медицинские исследования определили, что Оливия виновата в том, что их нет. Наконец, год назад, осенью, она сделала небольшую операцию, чтобы улучшить свою способность к зачатию, но было уже слишком поздно. Даже в больнице, сидя у постели Оливии и держа ее за руку после операции, Пол говорил об Анни. Однажды она стала донором, отдала свой костный мозг, рассказывал он. «Ты можешь себе это представить? – восторженно спрашивал он. – Рисковать собой, лечь на операцию, чтобы спасти жизнь совершенно незнакомого человека?»

«Да, Пол, ты меня убедил. – В тот раз Оливия впервые рассердилась. – Она святая».

После этого муж перестал говорить с ней об Анни, что встревожило Оливию гораздо больше. Она понимала по его насупленному молчанию, что Анни по-прежнему не выходит у него из головы. Пол плохо спал, похудел. За столом он просто гонял куски по тарелке, погруженный в свои мысли. Он невпопад отвечал на вопросы, все время терял ключи от машины, бумажник. Когда они занимались любовью – это были редкие попытки зачать ребенка, – Пол оставался таким далеким. И как бы ни были близки их тела, она ощущала разделявшую их пропасть, которую не помогли преодолеть ни ее слова, ни ее ласки.

Тогда Оливия напрямую спросила Пола, спит ли он с Анни. И он не сумел скрыть своего разочарования, когда ответил, что не спит. «Она без ума от своего мужа и дорожит своим браком», – мрачно заявил Пол, и Оливия сразу же поняла, что ее муж браком с ней не дорожит. Судя по всему, платонический характер отношений устраивал Анни, но никак не Пола.

Расставшись с Оливией после смерти Анни, Пол снял жилье недалеко от редакции. Он написал Оливии длинное письмо, извинялся, говорил, что не может разобраться в своих чувствах. Он понимал, что не может теперь получить Анни, но общение с ней показало ему, чего ему не хватало в отношениях с Оливией. Самоуважение, которое Оливия собирала по крохам, долго лелеяла, разлетелось в пух и прах после того, как она прочитала послание мужа.

Следующие несколько месяцев они изредка виделись, когда Пол заезжал, чтобы забрать что-то из вещей. Одежду, инструменты, компьютер. Оливия не сводила глаз с его рук, когда он заворачивал, паковал, увязывал, выносил. Она скучала по его прикосновениям и даже начала ходить раз в неделю на массаж, только бы ощущать чьи-то руки на своей коже.

Пол вел себя дружелюбно, изредка даже улыбался, когда говорил с ней. Оливия цеплялась за это, надеялась, что его улыбка означает, что для них еще не все потеряно, что ей удастся восстановить их отношения, но Пол ни разу не дал ей для этого возможности. Он никогда не задерживался в доме дольше, чем требовалось, если не считать единственного вечера в апреле. Тогда Оливия забыла о стыдливости и упростила его остаться. Он неохотно согласился, а потом она едва не умерла, увидев чувство сожаления в его глазах.

Что стало с человеком, за которого она выходила замуж, который написал томик стихов, посвященных ей, помог справиться с прошлым, заставил ее впервые за долгие годы почувствовать себя в безопасности? Когда-то Пол занимался с ней любовью так, словно не мог представить никого другого на ее месте. Тот Пол еще не встретился с Анни О'Нил.

Оливия хотела, чтобы тот, прежний, Пол вернулся. Она нуждалась в нем.

И вот теперь она стояла у окна в гостиной, спиной к зияющим пустым местам, которые предстояло чем-то заполнить, и смотрела, как мебельный фургон исчезает за дюнами. Они сотни раз занимались любовью, но почему силы природы помогли ей забеременеть именно в ту апрельскую ночь?

Она вдруг почувствовала, как растерянность сменяется решимостью. Как и в комнате у нее за спиной, в ней самой тоже были пустые места. Она заполнит их теми качествами, которые привлекли мужа к Анни. Но сначала ей необходимо узнать, что это были за качества. Она поддалась мгновенному импульсу, пошла работать в приют для женщин. Ничто не остановит ее, она выяснит, чего ей не хватает. Она должна признать очевидное. Одержимость Пола, которую он испытывал к Анни О'Нил, стала ее собственной.

5

Алек проснулся, прижимая к щеке старенькую зеленую футболку Анни. Эта привычка появилась у него после смерти жены. Днем она казалась абсурдной ему самому, но ночью он ничего не мог с собой поделать. Анни надевала футболку, когда по утрам отправлялась на пробежку, и майка давно выгорела и износилась. Но когда Алек вернулся из больницы в ту Рождественскую ночь, футболка лежала на стороне Анни на их большой кровати, прикрытой лоскутным одеялом, которое им подарили на свадьбу. В те ночи, когда Алеку все-таки удавалось заснуть, он засыпал в обнимку с футболкой.

Он раздал все вещи жены. Правда, сначала он предложил их дочери, но Лэйси скорчила недовольную гримасу. Она не желала это носить. А с футболкой Алек расстаться не мог. Он не стирал ее, и после всех этих месяцев она впитала его запах, утратив аромат Анни, но футболка все равно его успокаивала.

Этим утром ему предстояло присутствовать на заседании комитета по спасению маяка, поэтому Алек побрился. При этом он старался не смотреть на свое отражение. Ему не нравилось, как изменилось его лицо.

Когда Алек спустился вниз, Лэйси и Клай уже сидели за столом в кухне. Они ссорились, но, увидев отца, сразу же замолчали. Эта картина стала для него привычной.

– Привет, – поздоровался Алек, наливая себе чашку кофе.

– Привет, пап, – ответил Клай, а Лэйси что-то пробурчала с набитым ртом.

Трехлапый подошел к Алеку своей подпрыгивающей походкой, и он погладил немецкую овчарку по крупной голове.

– Животных кормили? – поинтересовался Алек, думая не только о собаке, но и о двух кошках, живших к доме.

– Ммм, – промычала дочь, и Алек принял этот ответ как утвердительный.

Он насыпал себе в чашку хлопья с изюмом, взял с полки стопку фотографий и уселся за стол. За едой он просматривал снимки, поднося их один за другим к лучу света, который падал через кухонное окно, украшенное витражом. Творение Анни разукрашивало белую кухонную мебель зелеными, синими и красными пятнами.

Алек смотрел на фотографию, которую он сделал, стоя у подножия маяка. «Твои фотографии становятся все более странными», – заметил Том Нестор, когда Алек заходил к нему в мастерскую, чтобы проявить пленку. Алек прислонил снимок к чашке с кофе. В самом деле странный, хотя самому Алеку он нравился.

– Папа! – обратилась к нему Лэйси.

– Гм? – Он поставил фотографию по-другому, чтобы посмотреть, как она будет смотреться под новым углом.

– Сегодня утром тебе будет звонить мисс Грин.

– Кто такая мисс Грин? – Алек поднял голову, чтобы взглянуть на девочку, но та быстро опустила глаза в свою миску с хлопьями. С чего вдруг? – Лэйси! Посмотри на меня.

Дочь посмотрела на него большими синими глазами. Они были так похожи на глаза Анни, что Алеку пришлось призвать на помощь волю, чтобы самому не отвести взгляд.

– Так кто такая мисс Грин? – повторил он свой вопрос.

– Мой школьный психолог.

Алек нахмурился:

– У тебя проблемы?

Лэйси пожалала плечами и снова уставилась в свою миску. Пальцы с обгрызенными ногтями и заусенцами вертели ложку.

– Мисс Грин хочет поговорить с тобой о моих отметках.

Клай рассмеялся:

– А чего ты ждала, крошка О’Нил? Ты за все полугодие ни разу не открыла учебник.

Алек положил руку на плечо сына, призывая к молчанию.

– Я думал, что ты получила высокие баллы по всем предметам, Лэйси.

– Только не в этом году.

– Почему ты ничего не сказала мне раньше? Я бы мог помочь тебе.

Она снова пожала худенькими плечами:

– Я не хотела тебя беспокоить.

– Беспокоить меня? – Алек нахмурился. – Ты же моя дочь, Лэйси.

Зазвонил телефон, висящий на стене.

– Вероятно, это мисс Грин, – объявила Лэйси. Ее лицо побледнело, веснушки проступили ярче.

– Ты в полном дерьме, крошка О’Нил, – закатил глаза Клай.

Алек встал и снял трубку.

– Доктор О’Нил? – Женский голос звучал сухо, официально.

– Да.

– Говорит Дженет Грин, школьный психолог.

Алек сразу мысленно представил ее себе. Темные волосы, распущенные по плечам, кричаще-розовая помада на губах, широкая неискренняя улыбка. Слишком холодная, слишком чопорная, чтобы работать с подростками.

– Лэйси предупредила меня о вашем звонке. – Его дочь сделала это в последнюю минуту, но мисс Грин вовсе не обязательно знать об этом. Алек видел, как Лэйси, понуриив голову, ест хлопья, и ее длинные рыжие волосы падали словно занавес по обе стороны миски.

– Я живу недалеко от вас, – продолжала Дженет Грин. – Я бы хотела заехать к вам во второй половине дня и поговорить с вами о Лэйси. Вы не против? Тогда вам не придется ехать в школу.

Алек оглянулся. Не вымытая с вечера посуда, засохшие пятна кетчупа на шкафчике рядом с мойкой. Кастрюля, в которой варились спагетти, так и осталась стоять на плите. Одна макаронина прилепилась к внешней стороне, изогнувшись как вопросительный знак. Рабочий стол завален старыми газетами, письмами, рекламными листовками. Повсюду валялись фотографии маяка, которые он сделал.

– Не могли бы мы поговорить по телефону? – предложил Алек.

– Что ж... Лэйси сказала вам, почему я хотела бы встретиться с вами?

– Дочь говорила, что у нее не слишком блестящие отметки.

– Это так. Видите ли, ее успеваемость резко снизилась. У нее нет ни одной оценки выше тройки, а по биологии и алгебре ее вообще не аттестовали.

– Не аттестовали? – переспросил Алек, бросая гневный взгляд на Лэйси.

Девочка сорвалась с места, словно ее дернуло током, схватила рюкзачок с книгами и рванулась к двери. Алек прижал трубку к груди и окликнул ее:

– Лэйси! – Но он увидел только облако рыжих волос, когда Лэйси пробежала под окном и выскочила на улицу. Алек снова поднес трубку к уху. – Она убежала, – сказал он.

– Я знаю, что Лэйси очень огорчена этим. Ей придется летом заниматься алгеброй и биологией, чтобы ее перевели в следующий класс.

Алек покачал головой:

– Ничего не понимаю. Она всегда получала только отличные оценки. И разве я не должен был узнать об этом раньше? Как насчет ее дневника? Я бы заметил, если бы ее оценки изменились.

– В дневнике Лэйси одни тройки.

Он нахмурился:

– Вероятно, дочь мне его не показала. Это так на нее не похоже. – Алек ни разу не видел троек ни у сына, ни у дочери. Да что там, он и четверок почти никогда не видел.

– Ваш сын справился с шоком после смерти матери, верно? Я слышала, что именно он будет произносить речь от имени выпускников.

– Это так. – Алек вдруг ощутил страшную усталость. Если бы не заседание комитета «Спасем маяк», он бы снова лег.

– И он собирается учиться в колледже в Даке? – уточнила мисс Грин.

– Да. – Алек смотрел, как его сын поднимается из-за стола. Клай взял персик из вазы с фруктами и помахал отцу, выходя из кухни.

– Мне кажется, Лэйси не по себе оттого, что после отъезда брата вы с ней останетесь в доме вдвоем.

Алек снова нахмурился:

– Она так сказала?

– Нет, это только мое предположение. Девочке явно приходится очень трудно после смерти матери.

– Я... Да, думаю, это так, раз ее оценки снизились... – Его дочь плохо учится, а он и не подозревал об этом. – Я не заметил ничего необычного. – Он ни на что и не смотрел. Алек не занимался детьми, решил, что они справятся сами.

– Вы ветеринар, доктор О’Нил, я не ошибаюсь?

– Да, я ветеринар.

– Лэйси говорила, что вы сейчас не работаете.

Алек хотел ответить мисс Грин, что это ее не касается, но ради Лэйси прикусил язык.

– Я взял небольшой отпуск.

Он был уверен, что несколько свободных недель после смерти Анни пойдут ему на пользу, но недели превратились в месяцы. Эти месяцы пролетали с головокружительной скоростью, а у Алека так и не возникло желания вернуться к работе.

– Понимаю, – сказала Дженет Грин. В ее голосе прозвучало явное снисхождение. – Кстати, вы в курсе, что за последние несколько месяцев Лэйси дважды задерживали после уроков за то, что она курила в школе?

Алек хотел было возразить, что Лэйси не курит, но эта женщина определенно знала его дочь лучше, чем он сам.

– Нет, этого я не знал, – ответил он. – Спасибо, что сказали.

Закончив разговор, Алек сел к столу, совершенно опустошенный. Его всегда отличала неумная энергия, неспособность усидеть на месте даже пару минут. А теперь у него не было сил, чтобы вымыть кастрюлю из-под спагетти.

Они ели макароны несколько раз в неделю. Это было просто: вскипятили воду, сварили спагетти, открыли банку с соусом. Иногда дети по очереди готовили что-нибудь, но их кулинарная изобретательность тоже не отличалась разнообразием.

Раньше все готовила Анни. Даже хлеб. Каждую субботу она выпекала две буханки из золотистой пшеницы. Кухня оживала, дом наполнялся упоительным запахом. Анни всегда оставляла на виду что-нибудь яркое, красивое. Овощи или фрукты на столе, цветные упаковки из-под экзотического чая на подоконнике. Она любовалась ими, когда готовила.

Анни всегда возвращалась домой раньше Алека и принималась творить что-нибудь в кухне. И часто – как вспоминалось Алеку, почти каждый день – он приходил и звал ее в спальню. И тогда Анни поручала присматривать за ужином кому-нибудь из детей. Те ворчали и смирялись с перспективой позднего ужина. Анни, с разгоревшимися от желания щеками, говорила им: «Помните, мои дорогие, поздний ужин – это элегантно».

Так они и жили до смерти Анни. Она исповедовала стихийность во всем. «Это дом без правил, – говорила она. – Мы должны доверять себе и нашему телу. Оно подскажет нам, когда спать, когда есть, когда проснуться утром и когда заняться любовью».

Только совсем недавно дети сообразили, что в их доме множество правил, но они отличаются от распорядка в домах их приятелей. Эти необычные правила придумывала Анни. В их доме не было будильника и настенных часов, хотя Алек всегда имел наручные. Только год назад Клай начал носить часы, похожие на хронометр Алека. До этого дети частенько опаздывали на школьный автобус или, крайне редко, приходили на остановку слишком рано. Клаю и Лэйси никогда не указывали, в котором часу вернуться домой, поэтому им завидовали друзья. Даже в совсем юном возрасте им позволялось отправляться в постель тогда, когда захочется. Они не докучали своим родителям и укладывались спать в приемлемое время. Вероятно, это было связано с тем, что в доме О’Нилов не было телевизора.

Лэйси и Клая никогда не наказывали за проступки, но часто поощряли без особого повода, просто в знак любви. В самом начале Алек чувствовал себя сторонним наблюдателем, потому что именно Анни решала, как воспитывать сына и дочку. Он быстро наверстал упущенное и скоро понял, что если к детям относиться с уважением, то они будут вести себя разумно. Лэйси и Клай всегда служили живым примером действенности и правильности их методов воспитания. «Самое важное, чтобы вы веселились от души и не подвергались опасности», – всегда напутствовал их Алек. Он наслаждался своим доверием, тогда как другие родители взваливали на плечи своих отпрысков груз запретов и наказаний.

Алек резко встал и направился в комнату Лэйси. Он открыл дверь и, не сдержавшись, покачал головой. В комнате царил кавардак. Кровать стояла незастеленная, всюду валялась одежда, хомячиха бегала по давно требующей уборки клетке. На письменном столе высились горы тетрадок, учебников, кассет. Стены скрывались под постерами с изображением неприглядных на вид музыкантов. На деревянной полке, которую Алек сколотил собственными руками пять лет назад и огибавшей три стены комнаты на уровне его плеча, на равном расстоянии друг от друга восседали старинные куклы, коллекция Лэйси. Изящные фарфоровые личики резко контрастировали с физиономиями модных певцов. Кукол было тринадцать. Анни каждый год дарила дочери новую куклу на день рождения. Они смотрели на Алека с улыбкой, демонстрируя безупречные зубки.

Его дочь курит. Проклятье! Надо ли ему поговорить с девочкой об этом? Как бы Анни поступила на его месте? Это наверняка был бы общий разговор за ужином, никаких обвинений, никаких упреков, никаких требований. Алек вздохнул. Нет, он на такое не способен.

Трехлапый перебрался через порог и тяжело привалился к ноге Алека. Он почесал пса за ухом. Они оба смотрели на хаос, царящий в комнате Лэйси. Анни никогда не была хорошей хозяйкой, но она умела молниеносно распихивать вещи по ящикам и шкафам, и в доме всегда царила видимость порядка. Когда Анни была жива, комната Лэйси наверняка так не выглядела. Но Алек не находил в себе мужества упрекнуть дочь, потому что во всех остальных комнатах порядка тоже не было.

Он прислонился к косяку и закрыл глаза, чтобы спрятаться от круглых кукольных глаз, полных упрека.

– Я не справляюсь, Анни, – признался Алек и почувствовал, что Трехлапый поднял голову. Пес услышал нотки отчаяния в голосе хозяина и сочувственно посмотрел на него.

В двадцать минут одиннадцатого Алек остановил машину на стоянке у «Морской утки», аккуратно проехав между «БМВ» Нолы Диллард и старым фургоном Брайана Кэсса. Он снова опоздал, но на этот раз у него было наготове оправдание. Сначала позвонила психолог Лэйси. Разговор с мисс Грин не занял слишком много времени, но потом он целый час размышлял о своей жизни.

Потом позвонила Рэнди. Она уговаривала его вернуться на работу. После его ухода она первое время справлялась сама и сначала проявила понимание. Алек всегда раньше критиковал молодую женщину за излишнюю отзывчивость. Рэнделл Олвуд позволяла людям использовать ее, и вот теперь Алек делал то же самое. Что ж, Рэнди начала принимать меры. Это был уже третий звонок на этой неделе, но Алек не собирался сдаваться. Он в который раз объявил ей, что не готов возвратиться к работе. Алек уже и сам не знал, будет ли он когда-нибудь готов к этому.

– Вот и он. – Нола Диллард двинулась ему навстречу, как только Алек вошел в заднюю комнату рестораника, где проходили заседания комитета по спасению маяка. Она улыбнулась. Когда Нола взяла его за руку, тяжелый цветочный аромат ее духов заполнил пространство между ними. Она шепнула ему на ухо: – У нас проблемы, дружок.

– Мы думали, что ты заблудился, Алек. – Уолтер Лискотт встал и отодвинул ему стул во главе стола.

– Простите за опоздание. – Алек сел на стул, предложенный Уолтером.

Перед ним сидели все члены комитета. Двое мужчин и две женщины, успевшие как следует подкрепиться кофе и пончиками. Они уже привыкли к его опозданиям. Сондра Картер, владелица маленького бутика в Даке, предположила, что это его дань памяти Анни, которая никогда не приходила вовремя.

Вошла официантка с кофейником и налила Алеку кофе.

– Пончик возьмите сами, доктор О’Нил, – сказала она.

Алек кивнул и посмотрел на Нолу, гадая, что она собирается им сказать.

– Что ж, – начал он, – сегодня мы попытаемся придумать, как нам собрать деньги.

Уолтер провел рукой по редющим седым волосам. Он откашлялся и заговорил низким тягучим голосом:

– Мы кое-что обсуждали перед твоим приходом, Алек. И честно говоря, мы не со всем согласны.

– О чем ты, Уолтер? – Алек напрягся. Придется ему впредь приходиться вовремя. Только заговоров ему не хватало.

– Видишь ли... – Уолтер сделал паузу и оглядел остальных. Собравшиеся явно отвели ему роль рупора. – Хотя мы все считаем, что целью нашего общества является сбор денег для сохранения маяка, мы не можем договориться о том, как именно должен быть спасен маяк. Возьмем, к примеру, меня. Я не стану бегать высунув язык и кланчить деньги ради того, чтобы в результате маяк принялись перевозить на другое место и он в процессе развалился.

– Поддерживаю, – сказала Сондра. – Либо наши деньги пойдут на то, чтобы выстроить заграждение вокруг маяка, либо Служба заповедников их просто не получит.

– Подождите минутку, – Алек поднял руку. – Вы все знаете, что не мы решаем, каким способом будет спасен маяк.

– Это верно, – подтвердила Нола. Она, как всегда, высоко заколола свои светлые волосы. Лацкан строгого серого костюма украшала эмблема риелторской фирмы, в которой она работала. Ее ярко-красный ноготь устался на Уолтера. – Служба заповедников заинтересована в спасении маяка так же, как и мы. Давайте не будем спорить. Мы здорово потрудились, наконец-то начали поступать деньги. Дело уже близится к завершению, а вы пошли на попятный.

– Я просто боюсь, что они приняли неверное решение, – упрямо сказал Уолтер.

Все собравшиеся любили Киссриверский маяк и понимали, насколько хрупкое это сооружение. До недавнего времени план спасения состоял в том, что вокруг маяка предполагалось возвести защитную стену. Пройдет несколько лет, и маяк окажется на крохотном островке в океане. Эстетически это весьма привлекательное решение. Но неожиданно Служба заповедников изменила свое мнение и всерьез заговорила о переносе маяка на шестьсот

ярдов в глубь косы, на что требовалось несколько миллионов долларов. С этим вариантом многим трудно было согласиться. Алек не только понимал тревогу Уолтера, он разделял ее.

– Нола права, – вступил в дискуссию Алек. – Мы должны доверять инженерам. Они найдут наилучшее решение. Мы не вправе сомневаться в них.

В последующий час члены комитета во главе с Алеком обсуждали, где и как найти деньги. Поступили предложения устроить аукцион, издать брошюру, чтобы подогреть интерес к маяку, участвовать в ток-шоу и передачах на радио. Только по дороге домой Алек дал волю собственным опасениям. Инженеры всего лишь люди, они тоже могут ошибаться. А что, если они разрушат маяк, пытаясь его спасти?

Алек сидел в кабинете за письменным столом, когда Лэйси вернулась из школы. Он увидел ее в окно. Девочка стояла на тротуаре и разговаривала с Джессикой Диллард, дочерью Нолы и своей лучшей подругой. Джессика улыбалась, но как-то свысока. Алеку стало обидно за дочь. Джессика стояла, уперев руку в бедро. Ее мягкие белокурые волосы рассыпались по плечам, она элегантно держала сигарету двумя пальцами и была очень похожа на свою мать.

Алек подался к раскрытому окну.

– Тебе надо попробовать, Лэйси, – говорила Джессика. – В этом году ты стала какой-то скучной. Ты забыла, что значит веселиться.

Лэйси что-то ответила, но Алек не услышал, что именно, и повернула к дому. Что должна попробовать его девочка? Алкоголь? Марихуану? Секс? Он повернулся к двери.

– Лэйси! – позвал он дочь.

Она вошла в комнату и остановилась в дверях, сложив руки на груди.

– Ты не поссорилась с Джессикой?

– Нет, – Лэйси тряхнула головой, и густые кудрявые волосы упали ей на лицо, закрыв левый глаз. Она отгораживалась от отца. Что ж, Алек не будет на нее давить. Не сейчас.

– Я записал тебя в летнюю школу, – сообщил он. – Будешь заниматься биологией и алгеброй.

– Только отстающие ходят в летнюю школу.

– Боюсь, у тебя нет выбора.

Лэйси посмотрела на него правым глазом.

– Ты намерен запереть меня?

– Запереть тебя? Нет, конечно. Но я хочу, чтобы впредь ты ставила меня в известность, если у тебя снова начнутся проблемы в школе.

– Хорошо, – Лэйси отбросила волосы назад и повернулась, чтобы уйти. На пороге она замялась и снова взглянула на отца. – Прости меня, пап. Я просто не могла заниматься.

– Я тебя понимаю, Лэйси, – вздохнул Алек. – Я тоже не мог работать.

6

Пол только проснулся, когда услышал интервью по радио. Речь шла о Киссриверском маяке. Сначала ему показалось, что это происходит во сне, но голос звучал настойчиво, и мысли у Пола прояснились. Он открыл глаза и зажмурился от золотого и синего света, лившегося сквозь витраж, установленный в окне спальни. Он лежал не шевелясь и внимательно слушал женщину по имени Нола Диллард, которая рассказывала о комитете «Спасем маяк».

– Через три года мы потеряем маяк, если эрозия почвы будет продолжаться такими же темпами.

Когда интервью закончилось, Пол полистал телефонную книгу, нашел нужный номер и позвонил на радиостанцию.

– Как мне связаться с женщиной, которая только что давала интервью по поводу маяка? – спросил он, поудобнее устраиваясь на подушках.

– Миссис Диллард еще в студии, – ответил мужской голос. – Не вешайте трубку.

Ждать пришлось секунд тридцать. Пол слышал в отдалении чей-то голос, смех.

– Говорит Нола Диллард.

– Здравствуйте, миссис Диллард. Меня зовут Пол Маселли, и я только что слушал ваш рассказ о маяке. Мне бы хотелось помочь.

– Отлично! – воскликнула женщина. – Нам больше всего нужны деньги, мистер...

– Маселли. Боюсь, я несколько ограничен в средствах, но у меня есть свободное время и энергия. Я буду рад помочь как-то иначе. Мне и в голову не приходило, что маяку угрожает опасность.

Повисло молчание. Пол понял, что сказал что-то не так.

Когда миссис Диллард заговорила снова, в ее голосе слышался явный холодок:

– Вы недавно в наших местах, мистер Маселли?

Вот оно что. Он чужак. Пол решил было рассказать о том, что много лет назад он провел на Внешней косе лето, но передумал. Он никому не говорил о тех месяцах, даже Оливии.

– Да, – ответил он, – я приехал недавно, но я работаю в «Береговой газете». Думаю, я смогу вам чем-нибудь помочь.

Нола Диллард вздохнула:

– Что ж, вот что я вам скажу. По четвергам наш комитет собирается в ресторанчике «Морская утка». Вы знаете, где он находится?

– Да. – Пол отлично знал это место. В «Морской утке» он дважды беседовал с Анни, когда писал о ней статью, и обходил этот ресторан стороной после ее смерти.

– Мы встретимся с вами на парковке у ресторана без четверти восемь. Я поговорю с моими коллегами, расскажу им о вас. Договорились?

Пол поблагодарил Нолу и повесил трубку. К счастью, она не спросила его, почему он так интересуется судьбой маяка. Разумеется, он придумал бы что-нибудь, назвался бы историком-энтузиастом, которому не по душе терять свидетельства прошлого. В определенном смысле это было бы правдой.

Нола Диллард оказалась весьма привлекательной женщиной чуть за сорок. Белокурые волосы заколоты в пучок, огромные серые глаза и очень загорелая кожа. Только морщин многовато.

Она протянула ему руку, и Пол пожал ее.

– Мистер... Пол, правильно? Я Нола. Пойдем.

Пол прошел следом за ней через знакомый ему просторный зал, украшенный в морском стиле, в уютную комнату в задней части здания. Члены комитета сидели за небольшим

столом, и их взгляды устремились на него, когда он вошел. Пол оглядел всех и удивился, встретившись взглядом с Алеком О'Нилом. Он сразу узнал его. Пол видел мужа Анни пару раз в ее мастерской и не однажды разглядывал его фотографии, украшавшие стены. Снимки были черно-белые, и они показались Полу мрачными, а в светлых глазах Алека он прочитал угрозу. Таким видеала его Анни. И теперь эти глаза не отрывались от Пола, пока Нола вела его к столу. «Может быть, сбежать и выставить себя дураком?» – мелькнула предательская мысль. Пальцы Нола чуть сжимали его локоть и подталкивали вперед. Алек встал.

– Пол, познакомься с Алеком О'Нилом, нашим председателем. Алек, это Пол Маселли.

Алек О'Нил удивленно поднял брови. Пол пожал ему руку, пробормотал приветствие, потом кивком головы поздоровался с остальными и сел рядом с Нолой. В зал вошла официантка и спросила, что ему принести. Полу захотелось заказать чего-нибудь покрепче, но быстрый взгляд по сторонам заставил его изменить свое намерение, и он заказал чай со льдом. Пол постарался расслабиться, откинулся на спинку диванчика, расстегнул воротничок рубашки.

Алек не сводил с него пристального взгляда, и Пол почувствовал себя уязвимым. Неужели О'Нил что-то знал? Или просто вспомнил фамилию Пола, сообразив, что именно он написал статью об Анни для «Морского пейзажа»?

– Нола сказала, что вы журналист, – наконец заговорил Алек.

– Это так. Я работаю в «Береговой газете», но сотрудничаю и с другими изданиями. Так что если я каким-то образом могу вам помочь, скажите об этом. – Пол нервно рассмеялся и покраснел.

Алек сделал глоток лимонада.

– Полагаю, вы сумеете нам помочь. Нам необходимо сформировать общественное мнение. Я справляюсь с интервью на местных радиостанциях и в местных газетах, но хотелось бы, чтобы о нас узнали и за пределами Внешней косы. Киссриверский маяк – это национальное достояние, так что не только местные жители должны стараться спасти его. Мы решили, что неплохо было бы написать брошюру, рассказав в ней историю маяка. – Алек откинулся на спинку стула. – Как вы думаете, вы сможете нам в этом помочь?

– Разумеется.

Пол опустил глаза и стал смотреть на руки Алека. Пальцы были длинными, загорелыми, сильными. Пол сразу представил, как эти руки ласкали Анни. И ей нравилось их прикосновение. Алек так и не снял обручального кольца. На расстоянии оно казалось простым, без узора, но Пол знал, что на нем есть тот же плетеный рисунок, что и на кольце Анни. Что Алек сделал с ее кольцом? Анни кремировали. Интересно, отдают ли...

– Итак, нам оплатят бумагу и типографские расходы, – продолжал Алек, и Пол поспешно взглянул ему в лицо. Ледяные светло-голубые глаза Алека не отрывались от нового члена комитета «Спасение маяка». – Нам необходимо, чтобы вы собрали факты и изложили их.

– Есть ли какие-нибудь исторические материалы, которые я мог бы использовать? – спросил Пол, и ему тут же пришла в голову неприятная мысль. А что, если старая смотрительница маяка Мэри Пур еще жива? «Нет, этого не может быть», – сказал он себе. Когда Пол последний раз видел ее, она уже была старухой, а это было много лет тому назад.

– Существует частная коллекция, – ответил Алек. – Я поговорю с владельцем и попрошу для вас разрешения взглянуть на нее. А как насчет того, чтобы написать о наших усилиях в «Береговой газете»?

– Без проблем, – сказал Пол и с облегчением вздохнул, когда внимание собравшихся переключилось с него на Алека, который начал обсуждать организацию аукциона.

7

Мэри Пур исполнилось девяносто, и в свой день рождения она была счастлива. Она сидела на веранде синего двухэтажного здания, которое стало ее домом последние два года, и наблюдала за тем, как рассвет окрашивал лодки в гавани сначала в пурпурный, потом в розовый, а затем в желтый цвет. Она привыкла к этому виду, к мерному ритму кресла-качалки, к тому, что ей приходится делить веранду с другими. Мэри думала, что закончит свои дни в собственном доме, но понимала, что ей повезло, потому что она прожила шестьдесят пять лет в теплом свете Киссриверского маяка.

Она по-прежнему рассказывала о маяке любому, кто хотел ее выслушать. Снова и снова повторяла Мэри истории о штормах, кораблекрушениях, океане. Она понимала, что похожа на других старух, мыслями оставшихся в прошлом и говоривших только о нем, но ее это не волновало. Она сознательно позволяла себе болтать, что на ум придет, считая это привилегией, которая дается с возрастом.

Врач, осматривавший ее накануне, восхищался ее острым зрением, отличным слухом и ее силой, несмотря на сломанное бедро. С ним Мэри Пур говорила о политике, желая показать свою осведомленность. «Вы умнее меня, миссис Пур», – сказал доктор, и Мэри не сомневалась в том, что он говорит искренне.

«Если я в такой хорошей форме, то почему мне нельзя курить?» – спросила его Мэри, но он только рассмеялся и спрятал стетоскоп в чемоданчик.

Мэри редко показывала окружающим, насколько она еще ловкая и сильная. Ей хотелось насладиться преимуществами старости, хотелось, чтобы о ней заботились, чтобы вокруг нее суетились и хлопотали. Она даже позволила Сэнди, одной из девушек, работавших в доме престарелых, обрезать свои белоснежные длинные волосы, хотя сама вполне могла и расчесать их, и собрать в пучок.

Она старалась не отставать от жизни. Мэри регулярно смотрела новости, телевизор по-прежнему оставался для нее диковинкой. У нее был телевизор в доме зрителя, но там на экране не было ничего, кроме полос. Она обязательно просматривала газеты. И вот теперь у нее на коленях лежала «Береговая газета», и когда лодки в гавани приобрели свой обычный цвет и рассветный спектакль закончился, Мэри развернула газету и начала читать. Больше всего она любила кроссворды, но их оставляла напоследок. Она сначала прочитывала все статьи и только потом принималась отгадывать кроссворды, дожидаясь, пока Труди или Джейн не выйдут на веранду.

Мэри прочитала первую страницу, перевернула ее. И увидела фотографию: белоснежный маяк на фоне черного неба. У нее защемило в груди, но тут же отпустило. В углу снимка она видела угол дома зрителя, того самого, в котором столько лет жила семья Кейлеба, ее мужа. Теперь дом принадлежал Службе заповедников. Мэри прочитала заголовок: «Киссриверскому маяку угрожает гибель». Статью написал Пол Маселли. Мэри нахмурилась. Пол Маселли? Теперь они позволяют любому писать о маяке. Она прочитала статью до конца. Организован комитет по спасению маяка. Председателем его стал Алек О'Нил. Мэри одобительно кивнула, когда прочитала об этом. Удачный выбор.

Она опустила газету на колени и стала думать об Алеке О'Ниле. Мэри слишком поздно узнала о смерти Анни, поэтому не попала на похороны. Она оплакивала ее, так и не сумев вспомнить, когда в последний раз плакала, потеряв кого-то. Но Анни... Добрейшая душа. Почти как дочь для Мэри, хотя ее собственная дочь Элизабет никогда не слушала рассказы матери с таким вниманием. Мэри могла говорить с Анни обо всем, и та от нее ничего не скрывала. «Мэри, – сказала Анни однажды ночью, когда дрова в камине уже прогорели и они пили бренди и кофе, – ты знаешь меня лучше всех».

Мэри любила Анни, была готова отдать за нее жизнь. Она думала об этом после смерти молодой женщины. Почему вместо нее смерть не забрала Мэри? Она уже достаточно пожила, а у Анни все еще только начиналось. Мэри любила Анни той слепой любовью, которая позволяла ей делать для Анни все, что угодно, заставляла превыше всего ставить счастье Анни и не задумываться о последствиях.

Некоторое время после смерти Анни Мэри не могла себе представить, как будет жить дальше. После того как Мэри перевезли в дом престарелых, они виделись реже, но Анни все равно приходила пару раз в неделю и почти всегда приносила подарки. Хотя Мэри ничего не было нужно. Но такой была Анни, и Мэри понимала, что спорить с ней бесполезно. Анни ненадолго задерживалась в доме престарелых. Кругом всегда были посторонние люди, и Анни во время бесед тщательно подбирала слова.

Ее последнее посещение никак не выходило у Мэри из головы. Она снова и снова повторяла себе, что Анни умерла и это больше не имеет значения. Но в тот день Анни была в таком отчаянии, когда сидела с Мэри в гостиной, в окружении других стариков и старух. Улыбка ни разу не появилась на ее лице, она едва сдерживала слезы. В конце концов Мэри увела ее в свою спальню и дала возможность выплакаться и облегчить душу. Мэри отпустила Анни ее грех, словно священник на исповеди. Когда она думала об Анни после ее смерти, она говорила себе, что та умерла прощенной.

Мэри послала открытку с соболезнованиями Алеку и детям. Сэнди отвезла ее в магазинчик, чтобы купить что-то подходящее к случаю. Мэри заставила девушку объехать с ней четыре или пять магазинчиков, пока не нашла открытку с белоснежным маяком. Мэри не спала целую ночь, обдумывая, что написать. Она составляла в уме длинные предложения о том, какой необычной была Анни, как ей будет ее не хватать, но в конце концов написала что-то совсем простое, банальное и отослала открытку.

Алек О'Нил. Мэри никогда не могла смотреть ему в глаза. «Я не причиню ему боли, – постоянно твердила Анни. – Я никогда не причиню ему боли».

Мэри снова взялась за статью о маяке, перечитала ее еще раз. Комитету требовались исторические сведения о маяке, значит, скоро они обратятся к ней. Кто же придет? Алек О'Нил? Пол Маселли? Или кто-нибудь из Службы заповедников? Это было бы лучше всего. Если же придет Алек или Пол... Что ж, последнее время она стала слишком разговорчивой и может сболтнуть то, что им не стоит слышать.

8

Оливия купила себе клубничное мороженое в вафельном рожке и села на лавочку наискосок от деревянного дома, где раньше размещалась мастерская Анни. На фасаде здания она насчитала десять больших окон, и каждое украшал витраж. С того места, где сидела Оливия, она не могла как следует рассмотреть рисунки на стекле.

Однажды она уже сидела на этой скамейке и смотрела на витражи. Это случилось, когда Анни была еще жива, примерно через месяц после того, как Пол принялся рассказывать о ней при каждом удобном случае. Уже тогда Анни занимала мысли Оливии, поэтому она уселась на этой скамейке, чтобы рассмотреть женщину, от которой был без ума ее муж. Но Анни так и не появилась.

В тот раз Оливии не хватило смелости зайти в мастерскую. Она не поручилась бы за себя, если бы столкнулась с Анни лицом к лицу. Пол был очень привлекательным мужчиной, так что если он пытался соблазнить Анни, то это всего лишь вопрос времени. Оливия представила, как она входит в мастерскую, заводит с Анни разговор. Если у этой женщины есть хоть капля достоинства, то она не захочет причинить Оливии боль. Так рассуждала Оливия почти год назад.

Теперь она устроилась на скамейке совсем по другой причине. Ей захотелось понять, чем Анни так привлекала Пола. Оливия успела почувствовать, как меняется она сама. Ей начала нравиться ее добровольная работа в приюте для женщин в Мантео, хотя раньше она никогда никого не врачевала бесплатно. Медицинская практика всегда была связана для нее с извлечением солидного дохода.

Сначала работа в приюте показалась Оливии тяжелой. Она близко к сердцу принимала истории, которые рассказывали ей эти женщины. По ночам Оливия лежала без сна, лица обитательниц приюта стояли у нее перед глазами. Жалобы несчастных и их детей разбередили в душе Оливии старые раны, которые она считала давно закрывшимися.

Она слишком хорошо понимала, что значит быть жертвой, каково это – чувствовать себя беззащитной и отчаявшейся. Ей до сих пор приходилось напоминать себе, что для нее это уже в прошлом. Она стала хорошим врачом, могла быть уверенной в своем будущем. Но когда Оливия видела в приюте голодных, избитых детей, то сразу же вспоминала те снежные зимы, когда у нее была одна пара туфель на тонкой подошве, или ужины, состоявшие из банки консервированных бобов и единственного горячего хот-дога, которыми она должна была поделиться с братьями.

Оливия доела мороженое и встала. С началом летних каникул машин стало больше, и она осторожно перешла дорогу. Последние дни она вообще вела себя крайне осмотрительно, помня о том, что ей следует заботиться не только о себе, но и о крошечном существе, растущем в ней.

На простой деревянной вывеске значилось «Витражи и фотографии». Оливия вошла, закрыла за собой дверь, и звуки улицы сразу стихли. Ей потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к прохладной, многоцветной красоте комнаты. За большим рабочим столом напротив двери сидел крупный мужчина со светлыми волосами, собранными в «конский хвост». Он поднял голову, посмотрел на Оливию, и она увидела пышные усы над полными чувственными губами. Над его головой клубился табачный дым, хотя он тут же затушил сигарету в пепельнице. В руке мужчина держал какой-то инструмент, перед ним лежало стекло.

– Если у вас появятся вопросы, задавайте, – предложил он низким, скрипучим голосом.

Оливия кивнула и повернула направо, подальше от его глаз. Ей казалось, что она движется в замедленном ритме. Она чувствовала себя загипнотизированной, одурманенной

яркими потоками света. Мастерская была маленькой, с высоким потолком, две стеклянных стены занимали витражи разных форм и размеров.

Сначала Оливия едва могла выделить отдельные картины из общей массы, но потом ее взгляд упал на большой витраж, примерно пять футов на два, с изображением женщины в костюме эпохи королевы Виктории. Белое платье словно летело по воздуху, и Оливия сразу вспомнила ангела, которого купил Пол для их рождественской елки. Женщина игриво смотрела из-под полей украшенной цветами шляпы.

Мужчина, работавший у стола, заметил, что Оливия рассматривает витраж.

– Этот витраж не продается, – предупредил он.

– Очень красиво, – сказала Оливия. – Это работа Анни О’Нил?

– Точно. Я решил оставить этот витраж себе после ее смерти. Сказал себе, что Анни захотела бы, чтобы он остался у меня, раз он мне так нравится. Все витражи справа сделала она. Осталось совсем мало. Почти все раскупили.

«Надо полагать, основным покупателем был Пол», – машинально отметила Оливия.

– Остальное сделал я, – продолжал мужчина. Он махнул рукой в восточную часть мастерской, где на белых стендах расположились фотографии в рамках. – Снимки по большей части мои, хотя Анни была отличным фотографом.

Оливия подошла к фотографиям.

На первых стендах висели цветные снимки – в основном пейзажи в разных ракурсах и в разное время года. В правом нижнем углу была подпись Тома Нестора. Фотографии казались слишком утонченными для человека такого мощного телосложения.

Оливия повернула за угол и увидела фотографии тех людей, которых она помнила очень хорошо. Это были муж Анни и двое их детей. На фотографии дочь Анни весело улыбалась, на щеках появились ямочки, волосы развевались на ветру.

Своего сына Анни сфотографировала на пляже. Он стоял в одних шортах рядом со своим серфом. Темные волосы были зачесаны назад, капли воды сверкали на загорелой груди.

Между этими двумя фотографиями висела черно-белая фотография Алека О’Нила. Оливию заворожили его глаза, такие светлые под темными бровями. Зрачки казались маленькими черными дробинками, пронзившими ее насквозь. Ей стало не по себе. Алек был снят в черном вязаном жакете и белой футболке. Густые темные волосы курчавились у самого выреза. Он слегка наклонил голову, опираясь на согнутую в локте руку. Алек не улыбался. Плотные сжатые губы были под стать холодному обвиняющему взгляду.

Оливия отошла, но Алек О’Нил словно продолжал следить за ней, когда она оказалась перед большим черно-белым портретом Анни. Оливия замерла. Анни казалась знакомой в своей белокожей красоте и в то же время незнакомо живой. Ее волосы окружали голову нимбом, светящимся на черном фоне.

– Боги создали Анни и разбили форму, в которой ее отлили.

Оливия услышала голос мужчины за спиной и обернулась к нему.

– Это вы снимали?

– Да. – Казалось, ему трудно оторваться от лица Анни и посмотреть на Оливию. Но все же он перевел на нее взгляд и протянул руку: – Меня зовут Том Нестор.

– Оливия Саймон. – Она снова взглянула на портрет. – Эта женщина была замечательной моделью для фотографа.

– Это точно. – Нестор сунул руки в карманы джинсового комбинезона. Рукава его синей в белую полоску рубашки были закатаны до локтей, густые светлые волосы покрывали сильные предплечья. – Когда узнаешь, что еще совсем молодой человек умер, думаешь: «Этого не может быть». Потом начинаешь к этому привыкать. Чтобы поверить, что Анни больше нет, мне понадобились месяцы. Мне до сих пор иногда кажется: вот сейчас она войдет в эту

дверь и скажет, что это все было шуткой, просто ей захотелось побыть одной. Мне нравится представлять, что она... – Его голос сорвался, он улыбнулся и пожал плечами. – Впрочем, не важно.

Оливия вспомнила женщину на операционном столе, ровную зеленую линию на мониторе, жизнь, ускользавшую из ее ладони.

– Мне надо бы пригласить сюда кого-то из художников, – продолжал Том Нестор. – Мне одному рента не по карману. Алек – муж Анни – помогает платить за аренду помещения. Но я просто представить не могу, как это я буду работать с кем-то другим. Пятнадцать лет мы с Анни делили мастерскую.

Оливия повернулась к нему:

– Мой муж написал о ней статью для «Морского пейзажа».

Том удивился:

– Пол Маселли ваш муж? Я не думал, что он женат.

Разумеется, Пол не говорил о своей жене. Зачем? Может быть, он и Анни не сказал, что женат.

– Видите ли, он... Мы разошлись.

– А-а! – Том снова уставился на портрет Анни. – Пол по-прежнему заходит сюда время от времени. Говорит, что обустривает новый дом. Он купил много ее работ. Пол хотел купить и этот витраж, на который вы обратили внимание, но я не могу с ним расстаться.

Оливия взглянула на другие фотографии, потом вернулась в центр мастерской, коснулась угла еще не завершеного витража.

– Как вы это делаете? – спросила она, проводя пальцами по темной полосе между синими стеклянными фрагментами. – Это же свинец, верно?

Том вернулся на свое место за рабочим столом.

– Нет. На самом деле это медная фольга, припаянная стеклом. Подойдите сюда.

Оливия села на стул рядом с ним. Том работал над белыми ирисами на синем и черном фоне. Следующие десять минут она зачарованно наблюдала, как серебристые капли припопадая падают на обернутые фольгой края стекла. Радуга от витражей на окнах играла на ловких руках Нестора.

– Вы даете уроки? – неожиданно спросила Оливия, удивив не только Тома, но и себя.

– Обычно нет. – Он посмотрел на нее и улыбнулся: – А вас это заинтересовало?

– Да, я бы хотела попробовать. Хотя я не отличаюсь особыми талантами. – Никогда в жизни Оливия не делала ничего подобного. У нее не было свободного времени, чтобы учиться тому, что никоим образом не было связано с ее профессией.

– Вы можете удивить себя и других, – сказал Том. Он назвал цену, и Оливия согласилась. Она была готова брать уроки за любые деньги.

Том посмотрел на ее ноги, обутые в сандалии.

– Наденьте закрытую обувь, – предупредил он. – И еще вам понадобятся защитные очки. Кажется, где-то лежала пара, которой пользовалась Анни. Вы можете надевать их.

Прежде чем уйти, Оливия купила витраж, сделанный Анни. Это был фрагмент павлиньего пера, яркий и изящный. Она уже выходила, когда наткнулась на стопку журналов, сложенных у двери.

Том вздохнул:

– С этим беспорядком надо что-то делать. – Он махнул рукой в сторону журналов и книжек в мягкой обложке. – Люди по привычке приносят сюда ненужные журналы и книги. Анни отвозила их в дом престарелых в Мантео. Мне не хотелось говорить людям, чтобы они больше этого не делали, это не понравилось бы Анни, а мне самому не хочется туда ехать.

– Я могла бы их отвезти, – вызвалась Оливия. «И, интересно, когда?» – спросила она себя. Эта неожиданно появившаяся импульсивность уже начинала ее беспокоить.

– Вы правда отвезете? Это было бы здорово. Вы только скажите мне, когда поедете в ту сторону, и я все соберу.

Оливия пришла в мастерскую на следующий день ровно в одиннадцать. Том протянул ей зеленые защитные очки, принадлежавшие Анни, и ее старый зеленый фартук. Он набросал простой рисунок из квадратов и прямоугольников, положил сверху прозрачное стекло и показал Оливии, как пользоваться стеклорезом. Первый вырезанный ею квадрат оказался безупречным, такими же были второй и третий.

– У вас твердая рука, – одобрил Нестор.

Оливия улыбнулась, довольная похвалой. Она привыкла к скальпелю и действовала уверенно. Ей только требовалось научиться не слишком сильно давить на стекло.

Она низко склонилась над стеклом, когда услышала, как кто-то вошел в мастерскую.

– Привет, Том.

Оливия подняла голову и увидела Алека О’Нила. Ее рука застыла над стеклом.

– Привет, Алек.

О’Нил не обратил на Оливию никакого внимания. Он прошел через мастерскую с фотоаппаратом в руках и скрылся за боковой дверью, плотно закрыв ее за собой.

– Что там такое? – любопытствовала Оливия.

– Темная комната, – ответил Том. – Это муж Анни, Алек. Он заходит сюда пару раз в неделю, чтобы проявить пленку или отпечатать снимки.

Оливия еще раз взглянула на закрытую дверь и вернулась к работе. При следующем движении стеклореза в стороны полетела стеклянная крошка, и Оливия отпрянула.

– Разве мне не стоит надеть перчатки?

– Нет! – искренне возмутился Том. – Вы должны чувствовать, что вы делаете.

Она поработала еще немного, время от времени поглядывая на свои часики и надеясь, что закончит раньше, чем Алек О’Нил выйдет из темной комнаты. Следующее движение ей не удалось. Делать витражи оказалось совсем не так легко, как она предполагала. Оливия уже повесила приобретенный накануне витраж на кухонное окно и теперь лучше сознавала, сколько труда вложено в невесомое, изящное павлинье перо. Ей не терпелось снова рассмотреть работу Анни, по-новому взглянуть на нее.

Она отрезала специальными кусачками испорченный кусок стекла, когда скрипнула и распахнулась дверь темной комнаты. Оливия не поднимала глаз от своей работы, когда Алек вернулся в мастерскую.

– Я там оставил негативы, – обратился он к Тому.

– Мне понравились твои последние снимки.

Алек не ответил, и Оливия почувствовала, что он смотрит на нее.

– Это Оливия Саймон, – представил ее Том. – Оливия, познакомьтесь с Алексом О’Нилом.

Оливия кивнула, Алек нахмурился:

– Я вас уже где-то видел.

Она отложила в сторону кусачки и сложила руки на коленях.

– Это правда, – сказала Оливия, – но, боюсь, мы встретились при печальных обстоятельствах. Я дежурила в больнице в ту ночь, когда привезли вашу жену.

– О! – Алек еле заметно кивнул. – Да, конечно. Что вы делаете? – Алек отклонился назад, чтобы лучше видеть Оливию.

– Я зашла в мастерскую взглянуть на работы вашей жены, и мне так понравилось, что я упростила Тома давать мне уроки.

У Алека было такое выражение на лице, словно он не вполне верит ее словам.

– Что ж, – наконец произнес он, – вы нашли хорошего учителя. – Алек смотрел на Оливию так, будто хотел добавить что-то еще, но передумал и лишь махнул рукой Тому: – Увидимся через пару дней, – попрощался он и вышел.

– Вы были рядом, когда умерла Анни? – снова спросил Нестор, как только за Алеком закрылась дверь.

– Да.

– Почему вы мне об этом не сказали?

– Мне не очень хочется вспоминать тот вечер.

– Но вам не кажется это странным? Мы стояли с вами перед ее портретом, и вы не сказали мне ни слова.

Оливия посмотрела ему прямо в глаза. Его белесые брови сошлись в одну линию, глаза потемнели.

– Разве вы обо всем легко говорите? – спросила она.

Том насупился, и Оливия поняла, что, сама того не желая, задела его за живое.

– Да, в самом деле. – Он покачал головой, прогоняя эмоции, захлестнувшие его. – Я не хотел на вас набрасываться. Давайте вернемся к работе.

Оливия снова взялась за инструменты, но теперь остро ощущала тяжелое молчание, повисшее в мастерской. Она поняла, что перед ней еще один мужчина, любивший Анни Чейз О’Нил.

9

– Ты же придешь на мой выпускной? – спросил Клай и посмотрел через стол на отца, пока Лэйси поливала свои оладьи кленовым сиропом.

– Разумеется, – ответил Алек, – я не пропущу такое событие.

Он удивился про себя, как сыну могла прийти в голову подобная мысль, но, с другой стороны, последнее время сам Алек вел себя совершенно непредсказуемо.

– Как твоя речь, готова? – поинтересовался он, потому что последние дни Клай заметно нервничал. Это было совсем на него не похоже. Он повсюду носил с собой листочки с записями. За завтраком они стояли перед ним, уже замусоленные, с загнутыми уголками. Алеку вдруг стало жаль сына. Ему от души хотелось успокоить его, подбодрить.

– С речью все в порядке, – отмахнулся Клай. – Кстати, можно мне пригласить ребят к себе после церемонии?

– Конечно, – Алек обрадовался этому. – Ты так давно никого к нам не приглашал. Я уйду, не буду вам мешать.

– Нет, тебе незачем уходить, – быстро ответил Клай.

Алек сунул руку в задний карман брюк и достал бумажник. Он положил его на стол рядом с Клаем.

– Возьми сколько нужно, на напитки и все прочее.

Клай уставился на бумажник, потом покосился на Лэйси и вытащил из него двадцать долларов.

– Тебе этого не хватит, – заметил Алек. Он взял бумажник и вытащил еще несколько двадцаток. – Выпускной бывает только раз в жизни.

Клай прижал ассигнации к столу.

– Ты ведешь себя так, словно у нас полно денег, – осторожно начал он. Алек почувствовал, что дети принимают его за сумасшедшего. Он не работал, но беспечно тратил деньги. Но он не мог пока сказать им о страховке, которую получил после смерти Анни. Ему хотелось подольше сохранить эту тайну, которую они делили с Анни.

– Тебе незачем думать о деньгах, – в конце концов заявил Алек.

Клай оглядел кухню.

– Лучше мне прийти домой пораньше и убрать здесь.

– Я это сделаю, – предложила Лэйси, удивив их обоих. – Это будет моим подарком.

Алек провел весь день на берегу океана у маяка. На этот раз он снимал слайды, чтобы использовать их во время своего выступления в «Ротари-клуб» в Элизабет-Сити на следующей неделе.

Они с Клаем вернулись домой одновременно и не узнали своего жилища. В комнатах пахло лимонным маслом, которое Анни обычно использовала как отдушку для пылесоса. В гостиной ни пятнышка, кухня вылизана и сияет чистотой. Отблески витражей играли на белых поверхностях.

– Господи! – Клай огляделся. – Мне просто стыдно звать ребят. Они мигом устроят здесь свинарник.

Лэйси вошла в кухню, неся корзину с чистым бельем.

– Дом просто не узнать, Лэйси, – похвалил ее Алек.

Девочка поставила корзину и, сморщив веснушчатый, обгоревший на солнце нос, посмотрела на отца.

– Беспорядок меня достал, – призналась она.

Алек улыбнулся:

– Мне он тоже действовал на нервы. Просто у меня не было сил взяться за тряпку.

– Спасибо, крошка О’Нил, – поблагодарил сестру Клай. – Ты всегда сможешь заработать на жизнь горничной, если тебя выгонят из школы.

Алек посмотрел на корзину с бельем. Сверху лежала аккуратно сложенная старая зеленая футболка Анни. Он взял ее в руки.

– Ты ее постирала? – задал он совершенно ненужный вопрос.

Лэйси кивнула:

– Она лежала на твоей кровати.

Алек поднес футболку к лицу, вдохнул и ощутил запах стирального порошка. Сын и дочь переглянулись, и Алек опустил руку.

– Твоя мама часто надевала ее, понимаешь? – обратился он к Лэйси. – Поэтому я оставил эту футболку, хотя избавился от остальных ее вещей. Она напоминала мне об Анни, хранила ее запах. Мне следовало убрать футболку, чтобы ты не смешала ее с остальным грязным бельем. – Алек попытался улыбнуться. – Думаю, теперь я могу ее выбросить. – Он посмотрел на мусорное ведро в углу кухни, но не подошел к нему, а сунул футболку под мышку.

– Но футболка лежала вместе с грязными простынями, – вспыхнула Лэйси. Она была смущена и пыталась обороняться. – Откуда мне было знать, что ее не надо стирать?

– Все в порядке, Анни, – сказал Алек, – это...

– Я не Анни! – Девочка топнула ногой, лицо покраснело.

Алек удивленно спохватился. Он и в самом деле назвал дочь именем жены. Он протянул руку, пытаясь коснуться плеча Лэйси.

– Прости меня, милая.

Девочка отбросила его руку.

– В следующий раз сам стирай свое вонючее белье!

Она развернулась и вылетела из кухни. Ее быстрые легкие шаги застучали по лестнице. Хлопнула дверь ее спальни.

– Знаешь, ты делаешь это слишком часто, – спокойно заметил Клай.

Алек посмотрел на сына.

– Что я делаю? Называю ее Анни? – Он нахмурился, стараясь вспомнить. – Нет, я этого не делал.

– Спроси об этом ее. – Клай кивком указал на лестницу. – Готов поспорить, что Лэйси назовет тебе точное количество раз.

Алек стащил с себя пиджак и прижался спиной к сиденью машины. Он чувствовал, как пот стекает по шее, по груди, попытался восстановить дыхание. Он должен перестать хватать ртом воздух.

О’Нил припарковал машину, не доезжая до стоянки у школы. Ему требовалось несколько минут, чтобы взять себя в руки, а потом он сможет общаться с людьми. Он почти полгода не видел никого из родителей одноклассников Клая и его учителей. А ведь многие захотят поговорить с ним, сказать хорошие слова о его сыне. Если бы он только сумел удержать на лице вежливую улыбку, кивать в такт и произносить нужные фразы в нужный момент. Господи, ему ни за что не выдержать два часа такой пытки.

Анни часто представляла, как пойдет на выпускной к своим детям. Как бы Анни ни старалась делать вид, что учеба Клая и Лэйси ее не волнует, она гордилась успехами своих детей. Анни наверняка устроила бы настоящий праздник для Клая в этот знаменательный день. «Анни неугомонная мать», – как-то сказал Алеку Том Нестор, и он был прав. Анни всегда старалась дать своим детям то, чего не получила от собственных родителей.

Родители Анни не приехали на ее выпускной в престижную бостонскую школу. «Мы бы приехали, если бы твои оценки были отличными, – объявил ей отец. – Но в последнем

семестре ты потеряла право быть членом Национального почетного общества. Это непростительно».

Семья Чейз была очень состоятельной. Отец и мать воспитывали Анни так, чтобы она стала частью избранного общества, чтобы она встречалась с сыновьями из столь же благополучных друзей и знакомых. Если Анни не оправдывала ожиданий, что происходило нередко, родители случайно или намеренно наказывали ее тем, что никак не показывали своей любви к дочери. Когда Алек думал о детстве жены, то всегда представлял себе маленькую девочку с непослушными рыжими кудрями, сидящую в одиночестве в своей комнате, глаза заплаканы, руки сжимают плюшевого мишку. Анни никогда не рассказывала ему ничего подобного, но именно эта картина вставала у Алека перед глазами с того самого вечера, как они познакомились и Алек почувствовал, насколько Анни нуждается в том, чтобы ее любили.

Словно бросая вызов своим родителям, Анни никогда не критиковала сына и дочку и любила их, несмотря ни на что. «Мне было бы все равно, даже если бы они были настолько уродливы, что людей тошнило бы при одном взгляде на них, – говорила она. – Они могли бы быть такими тупыми, что не смогли бы научиться считать до десяти. Но они все равно остались бы моими драгоценными малышами».

Алек вспомнил эту ее маленькую речь. Анни произнесла ее, просеивая муку, чтобы испечь хлеб. Он помнил, что она была в зеленой футболке, рукава высоко засучены, ткань над левой грудью испачкана мукой.

Футболка. Ну почему ему так тошно оттого, что Лэйси ее постирала? Ведь ткань хранила запах Анни только в его памяти. И все же, когда он увидел ее выстиранной среди груды другого белья, Алеку показалось, что он снова потерял Анни.

– Пора тебе повзрослеть. – Эти слова Алек произнес вслух, беря в руки фотоаппарат и выходя из машины. Горячий воздух лип к телу, но налетевший бриз надул рукава рубашки. Он будет думать о маяке или о виндсерфинге. Он должен выдержать церемонию ради Клая.

– Алек!

О'Нил обернулся и увидел Ли и Питера Хэзлтон, родителей Терри, подружки Клая, направлявшихся к нему. Алек не видел эту супружескую пару со дня похорон Анни.

– Привет! – Он придал лицу выражение, которое считал жизнерадостной улыбкой.

Питер хлопнул его по спине.

– Большой день, да? Мой фотоаппарат сломался. Сделай для нас несколько снимков Терри, договорились?

– Клай никогда меня не простит, если я об этом забуду. – Алек увидел на лужайке Лэйси в группе девочек. – Пойду найду дочь, пора уже занимать места. – Он был страшно доволен собой, найдя удобный предлог, чтобы улизнуть.

Каждый раз, когда Алек видел Лэйси, его сердце болезненно сжималось. Ему отчаянно хотелось снова увидеть Анни, чтобы сравнить их лица и заметить различия. Может быть, тогда бы он перестал всякий раз вздрагивать, когда смотрел на дочь. Она казалась больше похожей на Анни, чем сама Анни. И Алек испытывал неловкость, общаясь с ней. Он не мог смотреть на Лэйси дольше нескольких секунд, его сразу же охватывала печаль.

Алек окликнул дочь, и она направилась к нему. Ее глаза смотрели то в небо, то на газон под ногами, она намеренно и упорно избегала взгляда отца. После размолвки на кухне они не виделись.

– Давай поищем наши места, – предложил Алек, и Лэйси молча пошла за ним следом.

Клай занял для них два места в первом ряду. Алек сидел между Лэйси и полной женщиной, обливавшейся потом и норовившей прижаться к нему бедром. Он подвинулся поближе к Лэйси и уловил запах табака, исходящий от ее волос. Проклятье, ей же всего тринадцать.

Алек вынул фотоаппарат из футляра и стал менять объектив. Лэйси смотрела прямо перед собой на пустую деревянную сцену, и Алек понимал, что именно он должен нарушить молчание.

– Лэйси, прости меня за то, что я назвал тебя Анни.

Она лишь пожала плечами.

– Не имеет значения.

– Имеет, потому что Клай сказал, что я сделал это не в первый раз.

Девочка снова пожала плечами, ее глаза уставились на полоску сухой травы перед рядами стульев.

– Я погорячился насчет футболки.

Лэйси отвернулась от него. Она еле заметно раскачивалась, словно слышала ритм, недоступный слуху Алека.

– Когда начинаются занятия в летней школе? – поинтересовался он, пытаясь разговаривать дочь, но тут перед ними появился Клай. Он уже надел синюю мантию и шапочку. На лбу выступили капельки пота.

– Правда, хорошие места? – Он протянул руку, и Алек пожал ее, отчего-то почувствовав себя старым от этого жеста. Клай сунул руку под мантию, извлек листки с речью из кармана брюк и отдал их отцу. – Держи их у себя. Не хочу я пользоваться шпаргалками. – Он легонько дернул сестру за рыжую прядь. – Как дела, крошка О’Нил?

Та только дернула плечом.

– Нормально.

Клай обернулся к сцене.

– Пора идти.

Оркестр заиграл что-то бравурное, и выпускники стали занимать свои места. Алек и Лэйси смотрели на них, по-прежнему разделенные напряженным молчанием.

Наконец выпускники расселись, начались торжественные речи. Алек почувствовал, как напряглась Лэйси, когда к микрофону подошел Клай. Ему захотелось обнять девочку, привлечь к себе, но он только сжал руки на коленях, пока выступал его сын. Клай выглядел старше своих лет. Его голос в динамиках звучал ниже и мужественнее, улыбка казалась искренней. Ничто не выдавало его нервозность. Любой бы подумал, что парень импровизирует на ходу, настолько легко лились его слова. Клай говорил о своих одноклассниках и их достижениях. Он на мгновение замялся, а когда заговорил снова, его голос еле заметно дрожал.

– Я благодарен моим родителям, которые всегда любили и уважали меня. Они научили меня верить в собственные силы и думать самостоятельно. – Глаза Клая на мгновение остановились на Алеке, потом он снова посмотрел на остальных. – Моя мать умерла в декабре. И я сожалею только о том, что ее нет с нами, чтобы разделить со мной это мгновение.

У Алека на глаза навернулись слезы. Он почувствовал, что все смотрят на него и Лэйси. Нет, он не покажет свою слабость.

Какая-то женщина наклонилась вперед, чтобы рассмотреть его как следует. На мгновение Алеку показалось, что это та женщина-врач, Оливия. Он тоже подался вперед, чтобы взглянуть на нее. И тут же расстроился, потому что увидел незнакомое лицо.

Ладно, утром он отправится в мастерскую Тома к тому времени, как Оливия закончит урок. Он пригласит ее на обед и наконец задаст все те вопросы, которые не давали ему покоя последние месяцы.

10

Стекло было холодным под ее пальцами. Оливия отложила в сторону стеклорез, зачарованная игрой красок на своих руках. Солнечный свет лился сквозь витражи и падал на рабочий стол фиолетовыми, кроваво-красными, зелеными пятнами, не позволяя сконцентрироваться на работе.

– Вы к этому привыкнете, – сказал Том.

Он протянул ей другой стеклорез с потемневшей от времени ручкой.

– Попробуйте этот.

Оливия взяла инструмент и провела точную прямую линию к центру стекла.

– Вы тренировались, – предположил Том.

– Немного, – кивнула она, просияв от невысказанной похвалы.

Оливия действительно тренировалась каждый вечер после работы, положив стекло на кухонный стол. Первый раз ей пришлось заставить себя, потому что ее ждали статьи в новом «Вестнике неотложной помощи». Но потом ей понравилось, и Оливия спешила вернуться домой, чтобы повозиться со стеклом. Накануне вечером она набросала собственный рисунок на миллиметровой бумаге и теперь вырезала из цветного стекла фрагменты для него.

Она почти закончила с третьей фигурой, когда вошел Алек О’Нил. Он кивнул Тому и уставился на Оливию.

– Я хотел бы поговорить с вами, – сказал О’Нил. – У вас найдется время после урока?

Оливия сняла защитные очки, посмотрела на часы, хотя у нее не было никаких планов.

– Да, – ответила она, поднимая на него глаза. Алек был в застиранных добела джинсах и бледно-голубой рубашке поло. Но в это мгновение его с ног до головы заливал алый свет.

– В полдень? – предложил он. – Я буду ждать вас в кафе напротив.

Алек зашел на минуту в темную комнату и вскоре удалился, напомнив ей на прощание, что они скоро увидятся. Витраж на двери еще продолжал раскачиваться после его ухода. Оливия смотрела, как стена мастерской становится голубой, потом розовой, потом опять голубой.

Она протянула руку к куску стекла, от которого не могла отвести глаз с самого утра. Оно было темно-зеленым, с волнистой поверхностью.

– Нет, – покачал головой Том. – Только не это. Ручная работа. Слишком тонкое.

– Но оно такое красивое, – Оливия провела пальцами по холодной зеленоватой глади. – Я еще ничего не разбила, Том. Можно мне попробовать?

– Ладно, – неохотно согласился Нестор, кладя стекло перед ней на стол. – Но представьте себе, что это стекло – Алек, ладно? Он такой же уязвимый, как оно. Не знаю, о чем он собрался с вами поговорить, но помните, что с ним надо обращаться осторожно. Договорились?

Оливия посмотрела в синие глаза Тома.

– Договорились, – произнесла она шепотом.

Опустив на глаза защитные очки, она аккуратно поставила стеклорез на зеленую поверхность, нервно облизала губы, затаила дыхание. Но, несмотря на все меры предосторожности и легкость ее прикосновения, стекло разлетелось на мелкие осколки.

Маленькое кафе оказалось битком набито посетителями. Люди в купальных костюмах теснились у стойки, и запах холодных закусок смешивался с запахом лосьона от загара. Оливия почувствовала себя разодетой в легкой юбке в цветочек и зеленой блузке. Она остановилась у стены у самого входа и оглядывала зал в поисках Алека.

– Доктор Саймон!

Она повернула голову на голос, вытянула шею, чтобы заглянуть через плечо стоявшей перед ней женщины, и увидела Алека за одним из маленьких столиков у окна. Она протиснулась через толпу. Алек встал, перегнулся через стол и отодвинул для нее стул.

– Спасибо. – Оливия села, ловя свое отражение в стекле. Ее прямые темные волосы доходили до плеч, и они отросли достаточно, чтобы их можно было перекинуть на одну сторону. Она вспомнила фотографию Анни. Широкая улыбка, грива волнистых волос.

– Народу много, но обслуживают здесь быстро. – Алек повернулся, чтобы посмотреть на меню, написанное мелом на грифельной доске над кассой. – Что закажете?

– Сэндвич с индейкой на хлебе из пшеницы грубого помола и лимонад.

Алек встал, вернее вскочил, подошел к стойке и сделал заказ одной из официанток, положив руку ей на плечо. Оливия изучала его со своего места у окна. Около сорока, худощавый, он стал еще стройнее с того вечера в больнице. Загорелый, но под глазами темные круги, щеки ввалились. Волосы очень темные, но даже с такого расстояния Оливия разглядела седину на висках. Алек двигался с изяществом спортсмена, и она решила, что он ведет активный образ жизни, много бывает на воздухе, что позволяет расходовать энергию и сохранять хорошую форму.

Получив стаканы с напитками, Алек двинулся к столику, лавируя в толпе. Оливия решила, что он никогда не улыбается.

Алек поставил лимонад перед ней, отпил из своего стакана и только потом сел. У нее возникло такое чувство, что долго находиться на одном месте Алек О'Нил не любит.

Он посмотрел на нее через стол. Солнце усугубило контраст между светло-голубой радужкой и черным зрачком.

– Я попросил вас о встрече, потому что мне необходимо получить ответы на некоторые вопросы. Я хочу знать, что случилось с моей женой. – Оливия почувствовала, как его колени касаются ее голых коленок, и немного отодвинула стул назад. – Тогда это не показалось мне важным... – продолжал Алек. – Но теперь я все время думаю... – Он потер виски длинными загорелыми пальцами. – Для меня остались белые пятна. То есть я хочу сказать, я попрощался с женой утром на Рождество, и все. – Он опустил глаза и откинулся на спинку, пока официантка ставила перед ними сэндвичи. Кадык заходил вверх-вниз по его худой шее, и Оливия поняла, что разговор дается ему с трудом.

– Мистер О'Нил... – начала она, когда официантка отошла.

– Алек.

– Хорошо, Алек. Я отвечу на все ваши вопросы совершенно искренне, и некоторые ответы вам будет нелегко услышать. Возможно, здесь не совсем подходящее место для подобного разговора.

Он огляделся по сторонам, словно впервые увидел шумных посетителей.

– Мой офис недалеко отсюда, – сказал он. – Я сейчас не работаю, но там открыто. Мы можем съесть наши сэндвичи там. Вы не против? У вас есть время?

Оливия кивнула:

– Так будет лучше.

Алек принес пакет для сэндвичей, они вышли на улицу и направились к стоянке перед мастерской.

– Вы можете ехать следом за мной. – Алек распахнул дверцу темно-синей «Бронко».

Оливия села в «Вольво». Она ехала за ним по шоссе, потом свернула налево. Алек сказал, что у него офис. Чем он, интересно, занимается? Что он имел в виду, когда сказал, что не работает? Оливия сообразила, что ничего не знает об этом человеке, кроме того, что он был женат на женщине, которой она восхищалась и которую одновременно ненавидела.

Они въехали на стоянку перед небольшим зданием, и Оливия прочитала надпись на вывеске: «Ветеринарная клиника», и чуть ниже: «Алек О'Нил и Рэнделл Олвуд». Так он был ветеринаром? Для нее это было полной неожиданностью.

Алек вышел из машины, держа в руке пакет с сэндвичами.

– Давайте проскользнем через заднюю дверь, – предложил он.

Оливия чувствовала себя преступницей, ей захотелось на цыпочках идти по гравии, который хрустел под ногами, пока они обходили здание. Алек открыл дверь, и они вошли в холл, выложенный пластиковыми плитками. По зданию гулко разносился собачий лай.

Алек распахнул первую дверь слева и посторонился, пропуская Оливию вперед. Это был небольшой светлый кабинет. Воздух в помещении застоялся, и Алек повернул ручку кондиционера.

– Я не ожидал, что здесь будет так душно, простите, – извинился он. – Через секунду станет лучше.

– Значит, вы ветеринар, – констатировала Оливия, садясь в красное кожаное кресло, на которое Алек указал ей жестом.

– Угу. – Он протянул ей сэндвич с индейкой, завернутый в бумагу, и сел за свой стол.

Стены кабинета были увешаны фотографиями, по большей части изображавшими Киссриверский маяк. Оливия разглядела несколько снимков серфингистов и портрет рыжеватого-коричневого щенка коккер-спаниеля, сидевшего рядом с серой персидской кошкой, похожей на ее Сильвию. Оливия хотела было сказать об этом, но увидела, что Алек погружен в собственные мысли, и промолчала.

На окне над его столом висел витраж. Инициалы Алека расположились между хвостом черного кота и распростертыми крыльями чайки. Оливия вдруг представила себе, как Анни дарит мужу свою работу – знак того, что она им гордится.

Алек развернул свой сэндвич и разложил бумагу на столе, пригладив ее ладонью.

– Последнее время я не работаю. Я собирался побыть дома только месяц после смерти Анни, но... – Он пожал плечами. – Мой отпуск затянулся.

Оливия кивнула. Она точно знала, сколько времени Алек не работал. В ту ночь, когда он потерял жену, Оливия потеряла мужа.

– Итак? – О'Нил вопросительно посмотрел на нее.

– Что вы хотите узнать?

– Что именно произошло в больнице в тот вечер? Вы сказали, что занимались Анни. В общих чертах я понимаю, что вы имели в виду. Но что конкретно вы делали с ней? – Алек вздохнул и посмотрел на фотографию, стоявшую на столе. С того места, где сидела Оливия, ее невозможно было рассмотреть, но она догадалась, что на снимке Анни и их дети. – Думаю, больше всего мне хочется знать, была ли Анни в сознании, – продолжал Алек, – чувствовала ли она что-нибудь, страдала ли.

– Нет, – ответила Оливия. – Она не страдала и так и не приходила в сознание. Честно говоря, я думаю, что ваша жена и не поняла, что произошло. Возможно, она почувствовала острую боль от пули и сразу же потеряла сознание.

Алек облизнул губы и молча кивнул, приглашая ее продолжать.

– Когда привезли миссис О'Нил, она была в очень тяжелом состоянии. По симптомам я смогла сразу определить, что пуля попала в сердце. Операция была единственным возможным выходом.

– Вы ее оперировали?

– Да. Вместе с Майком Шелли. Он заведует отделением неотложной помощи. Его специально вызвали в больницу.

– Разве с таким ранением Анну не следовало отправить в Норфолк, в больницу Эмерсона?

Оливия застыла. Она будто снова услышала голос Майка Шелли. «Ее и в самом деле надо было отправить в Норфолк. А так ее кровь будет на твоих руках».

– При обычных обстоятельствах вашу жену действительно следовало бы отправить в Норфолк. Но на дорогу ушло бы слишком много времени. Она бы умерла по дороге. Немедленная операция была ее единственным шансом.

– Значит, вам пришлось... оперировать ее прямо там?

– Да. Когда я... Вы в самом деле хотите все это услышать?

Алек отложил сэндвич.

– Я хочу знать все.

– Ее сердце перестало биться. Я смогла обхватить его рукой и закрывала пальцами отверстия от пули. И тогда сердце вашей жены снова начало сокращаться. – Оливия невольно подняла руку. Алек посмотрел на нее, и что-то дрогнуло в нем самом. Оливия увидела, как его взгляд остановился, и торопливо заговорила, опустив руку на подлокотник: – У меня появилась надежда, что она выкарабкается. Я думала, что мы сумеем зашить пулевые отверстия, и тогда все будет в порядке.

Она объяснила, как Майк Шелли пытался зашить выходное отверстие от пули. Оливия помнила ощущение от крови, сочившейся из-под ее пальца. Она до сих пор просыпалась по ночам, включала свет, чтобы удостовериться, что ее рука не липкая от крови. Оливия вдруг испугалась, что сама расплечется. Слезы были совсем близко. Она глубоко втянула носом воздух, пытаясь остановить их.

– Ясно, – сказал Алек. Его голос был лишен каких-либо эмоций. – Судя по вашим словам, для Анни было сделано все возможное.

– Да.

Он словно осел в своем кресле.

– Я почти ничего не помню о том вечере. – Алек не смотрел на Оливию. Его взгляд устремился к какой-то невидимой точке в пространстве между ними. – Наверное, кто-то позвонил нашей соседке Ноле, потому что она приехала за нами и отвезла в больницу. Хотя я совершенно не помню, как мы ехали. Дети были со мной, но и этого я тоже не помню. – Алек поднял глаза на Оливию. – У меня такое чувство, что в тот вечер вам тоже пришлось нелегко.

– Это так. – Она решила, что лицо выдало ее.

– И даже теперь вам трудно об этом говорить.

– Вы имеете право знать.

Алек кивнул:

– Я вам благодарен и за то, что вы сделали в тот вечер, и за то, что нашли время поговорить со мной. – Он кивком указал на нетронутый сэндвич. – Вы так и не поели.

Оливия посмотрела на пакет из плотной бумаги.

– Я съем его на ужин, – ответила она, но Алек ее не слушал. Он не сводил глаз с фотографии на столе.

– Мне только хотелось, чтобы у меня была хоть одна минута, чтобы я смог попрощаться с ней, – прошептал Алек и перевел взгляд на руку Оливии, на которой блестело обручальное кольцо. – Вы замужем?

– Да.

– Проводите каждую минуту с вашим мужем так, словно это последняя минута в вашей жизни.

– Видите ли, мы разошлись. – Оливия поерзала в кресле, почувствовав себя виноватой. Она и Пол живы и здоровы, но все-таки не вместе.

– Да? Это хорошо для вас или плохо?

– Ужасно.

– Простите. И давно вы разошлись?

– Полгода назад.

Если Алек и сопоставил свои полгода вдовства и полгода жизни Оливии без мужа, то вида не подал.

– Вы были инициатором или муж?

– Так захотел мой муж. – Оливия посмотрела на свою руку. Она машинально вертела кольцо с бриллиантом. – У него была другая женщина. – Она сама не знала, как далеко пойдет этот разговор. – На самом деле это трудно назвать романом. Они не... Это были платонические отношения. Они едва были знакомы. Думаю, это была скорее фантазия, чем реальность. И потом, ее больше нет на Внешней косе. Эта женщина... уехала. Но муж все еще расстроен из-за этого...

– Как вы думаете, есть ли у вас шанс восстановить семью?

– Надеюсь на это. Я беременна.

Алек удивленно посмотрел на нее.

– Всего одиннадцать недель, – пояснила Оливия.

Он недоуменно поднял бровь.

– Мне показалось, вы говорили о шести месяцах в разлуке...

– Ну... – Оливия залилась краской. – Муж один раз оставался на ночь.

Алек в первый раз улыбнулся, и Оливия увидела, насколько он хорош собой. Мрачное выражение портило все впечатление. Она смущенно улыбнулась в ответ.

Дверь со скрипом распахнулась, и в кабинет заглянула молодая женщина.

– Алек? – Вошедшая была в белом халате и джинсах, длинные темные волосы заплетены в косу. Она посмотрела на Оливию, потом снова на Алека. – Прошу прощения, я не знала, что у тебя посетительница. Ты приступил к работе?

– Если бы... – Алек, не переставая улыбаться, встал, обошел стол, поцеловал женщину в щеку и представил Оливию. – Это Оливия Саймон. Она дежурила в больнице в тот вечер, когда умерла Анни.

– Да? – Женщина погрузилась и повернулась к Оливии: – Меня зовут Рэнди Олвуд.

– Рэнди мой партнер, – добавил Алек.

– Я бы этого не сказала, – отшутилась Рэнди, – в последнее время мне приходится всем заниматься в одиночку.

Алек кивнул Оливии, как будто давая ей знак, что разговор окончен. Она тут же встала.

– Мне нужно поговорить с тобой, Алек, – объявила Рэнди, как только тот направился к двери.

– Хорошо, – он придержал дверь, пропуская Оливию, – я вернусь через минуту.

О'Нил проводил Оливию до машины.

– Еще раз спасибо за то, что поговорили со мной. Удачи вам с вашим мужем.

– Спасибо, – Оливия повернулась и взглянула ему в лицо.

– А ваш муж знает... – Алек опустил взгляд на живот Оливии, – что произошло в ту ночь, когда он заглянул на огонек?

Оливия покачала головой:

– Нет.

– Он в курсе, что вы по-прежнему любите его?

– Думаю, да. – Знает ли это Пол? Между ними произошло столько неприятного, что он мог и забыть об этом.

Алек открыл ей дверцу машины.

– Скажите ему об этом, ладно?

Оливия села за руль и, выезжая со стоянки, помахала Алеку рукой. Она не помнила, когда в последний раз говорила Полу, что любит его. Может быть, в тот вечер в апреле?

Наверное, она это сказала, но сама не помнила об этом. Последние несколько месяцев она избегала воспоминаний о той ночи.

Это было в самом начале апреля в четверг. Пол заехал, чтобы забрать что-то из своих вещей. Что именно, Оливия не помнила. Да это было и не важно. Она уже легла, но еще не спала, когда услышала, как он входит в дом. Сначала Оливия рассердилась. Какая наглость! Он ведет себя так, словно еще живет здесь. Но гнев мгновенно сменился радостью. Она увидит его, поговорит с ним. Ей так одиноко в опустевшем доме...

Оливия лежала очень тихо, пока Пол прошел через гостиную и поднялся на второй этаж. Он зашел в спальню и присел на край широкой кровати.

– Прости, что беспокою тебя в такое время, – извинился он. – Но мне нужно кое-что забрать, и я сразу же уйду.

Оливия посмотрела на него. В спальне было темно, но ей показалось, что она видит нежность в его глазах. Он сидел на их кровати, совсем рядом, его бедро прижималось к ее ноге. Она протянула руку и положила ему на колено, благодарная за то, что он не попытался отодвинуться.

– Тебе незачем торопиться, – прошептала она.

Пол провел большим пальцем по ее ладони, поощряя Оливия, и она, не стесняясь, положила его руку на свою обнаженную грудь.

Он промолчал, но Оливия почувствовала, как его пальцы ласкают ее сосок. Она стала расстегивать пряжку ремня на его брюках. Она думала только о том, что слишком торопится, ведет себя слишком вызывающе, но не могла остановиться. Она слишком долго жила без него.

Пол осторожно высвободил руку, снял очки, методично сложил дужки и положил их на прикроватную тумбочку. Он нагнулся и нежно поцеловал ее в губы. Потом начал раздеваться, неторопливо, аккуратно складывая рубашку, брюки. У Оливии сердце едва не выскакивало из груди от предвкушения. Но это было не просто ожидание близости, этот момент таил множество скрытых возможностей. Она втайне надеялась на его возвращение. Когда Пол лег рядом с ней, Оливия улыбнулась. Добро пожаловать домой.

Сначала его прикосновения были скованными, осторожными, словно он забыл, кто она такая и что ей нравится. Оливия не чувствовала его возбуждения и от разочарования даже закусил губу. Она что-то делала не так. Ей не удалось пробудить в нем желание. Былая неуверенность в себе вернулась к ней. А она-то думала, что все ее страхи остались в прошлом.

Но руки Пола двигались все увереннее, лаская ее тело, и вскоре Оливия заняла свою любимую позицию сверху. Они занимались любовью упорительно медленно, по возможности отодвигая наступление финала. Она не хотела, чтобы это кончалось. Пока они были едины, Оливия могла представлять, что все в порядке, что они вместе не только в это мгновение, но не расстанутся и завтра, и через неделю, и через год.

Когда все закончилось, она заплакала, уткнувшись в его плечо. Пол погладил ее по волосам.

– Прости меня, Лив, – сказал он.

Оливия приподнялась на локте, чтобы посмотреть на него, не слишком хорошо понимая, за что он просит прощения.

– Останься, прошу тебя, – попросила она.

Пол покачал головой:

– Нам не следовало этого делать. Теперь тебе будет только тяжелее.

– Ты все еще думаешь о ней. – Оливия постаралась говорить без осуждения.

– Да. – Пол сел на кровати и потянулся за очками. – Я понимаю, что это безумие. Я знаю, что Анни умерла, но она словно лишила меня рассудка. Я перестал бороться с этим, я сдался.

Оливия тоже села, придвинулась к мужу, оперлась подбородком о его плечо, положила руку ему на спину.

– Может быть, тебе стоит вернуться домой, – тихо сказала она. – Если бы мы попытались снова жить вместе, возможно, тогда ты бы смог забыть эту женщину.

– Это бесполезно и нечестно по отношению к тебе.

– Позволь решать мне самой. Я бы хотела попробовать, Пол. Мы только что занимались любовью, и это было замечательно. Именно это нам требуется, чтобы... – Оливия едва не сказала «изгнать дьявола», но удержалась, – помочь тебе забыть ее.

– Ничего не выйдет, Лив. – Пол натянул трусы и встал, не отводя глаз от окна, за которым лежал темный пляж. – Когда мы занимались любовью, я не мог возбудиться, пока не представил, что ты – это Анни. – Он повернулся к ней: – Ты этого хочешь?

Оливия расплакалась. Она поспешно натянула на себя одеяло, чтобы прикрыть наготу.

– Что в ней было такого необычного? – спросила она. – Что в ней было такого, чего мне не хватает?

– Не плачь, Лив, не надо. – Пол нагнулся к ней и обнял, словно капризного ребенка.

Она подняла на него глаза.

– А тебе когда-нибудь было хорошо со мной? Или ты только притворялся, чтобы не обидеть меня?

Пол был ее первым и единственным любовником, и, хотя тот возраст, в котором любовью занимаются впервые, остался у Оливии далеко позади, секс скорее пугал ее. Но нежное терпение Пола очень помогло ей справиться со своими страхами. Он повышал ее уверенность в себе, придумывая очаровательные комплименты, а потом сказал абсолютно искренне, что она стала совершенно неудержимой в постели. У Оливии отлегло от сердца, когда она поняла, что способна на страсть и желание. Слишком долго она считала, что эта область человеческих отношений для нее закрыта.

– Разумеется, мне было хорошо с тобой, – ответил ей Пол той апрельской ночью. – То, что происходит со мной сейчас, не имеет никакого отношения к сексу. – Пол снова отвернулся к окну, тяжело вздохнул и потер руками лицо. – Прости, что я сказал тебе такое об Анни. – Он покачал головой, его голос звучал напряженно. – Ты этого не заслужила.

Оливия не находила слов, чтобы спасти те робкие искры близости, которые еще тлели между ними. Поэтому она молча смотрела, как муж одевается. Он наклонился, чмокнул ее в макушку и ушел. Она слышала, как он ищет в кабинете то, за чем приезжал. Потом Пол вышел из дома, тихо закрыв за собой дверь. Ушел. Он вывел машину на дорогу и уехал. Оливия слышала, как его автомобиль повернул на Маллард-Ран.

Она смогла заснуть только через два часа. И только спустя две недели выяснилось, что из того семени, которое Пол мечтал отдать Анни, в ней зародилась новая жизнь.

Алек не удивился, когда увидел, что Рэнди ждет его в кабинете. Последние полгода он избегал ее, хотя изредка сталкивался с ней то в магазине, то в «Морской утке». Он всегда старался сократить их встречи, а потом начал избегать коллегу, заметив, что сострадание в ее глазах сменяется нетерпением. Но на этот раз ему некуда было бежать.

– Сядь, Алек.

Рэнди расположилась в красном кресле, в котором недавно сидела Оливия, так что Алек устроился за своим столом.

– Мне было так приятно сегодня увидеть тебя на рабочем месте, – сказала Рэнди.

– Послушай, Рэнди, мы с доктором Саймон пришли сюда, чтобы поговорить о вещах, которые невозможно обсуждать в кафе.

– Когда ты приступишь к работе, Алек?

Очень неприятно, что она так прямо задала этот вопрос. Теперь ему не вывернуться.

– Не знаю, – так же прямо ответил он.

– На что, черт побери, ты живешь? Откуда у тебя деньги, чтобы кормить детей? Как ты планируешь заплатить за обучение Клая в колледже?

– Это для меня не проблема.

– У тебя что, крыша поехала?

– Мне нравится не работать, Рэнди. Это позволяет мне много времени заниматься спасением маяка.

Рэнди откинулась на спинку кресла и нахмурилась.

– Алек, ты выводишь меня из себя.

Он улыбнулся.

– И спрячь эту свою снисходительную улыбку, – потребовала она и тут же улыбнулась сама. – Ах, Алек, если б ты знал, как мне тебя не хватает и как я беспокоюсь за тебя. А ты взял и все свалил на меня. Ты сказал, что тебя не будет месяц, и вот уже почти год я разбираюсь со всем одна.

– Еще нет и шести месяцев, и ты не одна, – возразил Алек. – Разве Стив Мэтьюз не работает?

Она нетерпеливо махнула рукой.

– Не в этом дело.

Алек встал, обошел стол и прислонился к нему. Он решил держаться поближе к дверям.

– Рэнди, если тебе и в самом деле так тяжело, скажи, и мы найдем еще кого-нибудь, кто будет тебе помогать. Я не хочу, чтобы ты перенапрягалась.

Она вздохнула и съежилась в кресле.

– Я справлюсь. Я просто подумала, может, стоит попытаться сыграть на твоем чувстве вины?

Рэнди встала, и Алек понял, что она сдалась. Рэнди подошла к нему, они обнялись. И Алек вдруг удивился, почувствовав прикосновение ее упругой груди, ее душистые волосы у своей щеки.

Он мягко отстранился.

– Давненько я не обнимал женщину.

В глазах Рэнди мелькнула искорка.

– Мне не терпится познакомить тебя с моей подругой, Алек, – сказала она.

Он только отрицательно покачал головой.

– Она бы тебе понравилась. Тебе уже пора выбираться из берлоги. В мире полно одиноких женщин, а ты теперь свободный мужчина.

Слово «свободный» подействовало ему на нервы.

– Слишком рано, – холодно ответил он.

– А как насчет этой женщины-врача? Она симпатичная и...

– Доктор Саймон замужем и ждет ребенка.

– Неужели ты не тоскуешь без секса? – Это был откровенный вопрос.

– Я тоскую без Анни, – бросил он, неожиданно рассердившись, и Рэнди невольно сделала шаг назад. – Это не игра в бутылочку, Рэнди. Я потерял жену. Это все равно что потерять правую руку. Анни никто никогда не заменит.

– Я знаю об этом, – прошептала Рэнди, в ее глазах заблестели слезы.

– Не торопи меня, ладно? – Алек взял со стола ключи и направился к двери.

– Алек, – окликнула его Рэнди, – не сердись, пожалуйста.

– Я не сержусь. – Он открыл дверь и посмотрел на нее: – Я не жду, что ты поймешь. Все слишком сложно...

Когда Алек подошел к машине, пот лил с него градом. Он посидел немного, не закрывая дверцу, давая возможность кондиционеру выгнать из салона горячий воздух. Потом Алек выехал на шоссе и направился на север. Очень скоро он добрался до Киссривер. В это время дня на маяке могли быть туристы, но он умел избегать встречи с ними.

Алек свернул на петляющую в лесу дорогу, ведущую к маяку. Ему пришлось остановиться и пропустить дикого мустанга, статного черного жеребца, которого он лечил прошлой осенью, решившего пересечь дорогу перед его автомобилем. Алек ехал до тех пор, пока не очутился на маленькой стоянке, окруженной низкими плотными кустами восковницы. Он вышел из машины и направился по тропинке к маяку.

Океанские волны разбивались о мол, брызги долетали до Алека и дождем падали на лицо. Маяк возвышался над ним, слепя белоснежным кирпичом, выщербленным временем. Дети играли на узком полумесяце пляжа, вокруг бродили туристы. Кое-кто читал сведения о маяке, вывешенные на стендах, другие стояли, задрав голову к небу, и смотрели на чугунную галерею на самой верхушке маяка.

Алек постарался незамеченным проскользнуть к низкой белой двери в основании маяка. Он оглянулся на старый дом смотрителя. Судя по всему, в эту субботу никого из Службы заповедников не было. Отлично. Он достал из кармана ключ, сунул в замочную скважину, повернул. Дверь нехотя подалась. Мэри Пур дала этот ключ Анни много лет назад, и она им очень дорожила, ревниво не выпуская из своих рук.

Алек вошел внутрь и запер за собой дверь. В маленьком холле было темно и очень холодно. Где-то наверху гомонили птицы. Алек не видел их, но слышал эхо от шума их крыльев.

Он начал подниматься наверх по винтовой лестнице, не останавливаясь у прямоугольных окон, отмечавших площадку каждого из шести этажей. Когда Алек добрался до узкой комнатки под фонарем, он тяжело дышал. Он совсем забросил занятия спортом.

Алек открыл дверь, вышел на залитую солнцем галерею, сел, прижавшись спиной к стене, чтобы его не заметили снизу, и вдохнул влажный соленый воздух.

Всюду, насколько хватало глаз, расстилалась поверхность океана. Он ясно видел мол, и это заставило его вспомнить похороны и то оцепенение, которое владело им тогда. С того момента, как Оливия Саймон сказала ему, что Анни умерла, он перестал что-либо чувствовать. Слез не было, ему не хотелось плакать. Нола помогла ему все уладить. Она все время всхлипывала, вспоминая, как умела все организовать Анни, как ей удавалось сплотить людей в тяжелую минуту. А он что-то бормотал в ответ, укрытый надежной капсулой своего бесчувствия.

Отпевание проходило в самой большой церкви в северной части Внешней косы, но даже она не вместила всех желающих проститься с Анни. Кто-то потом говорил ему, что люди стояли даже на ступеньках и на стоянке перед церковью.

Алек сидел между Клаем и Нолой. Лэйси отказалась присутствовать на похоронах матери, и Алек не стал ее заставлять, хотя все спрашивали, почему ее нет. Он был не совсем в себе и не понимал, что его ответ: «Она не захотела прийти» – казался странным.

Приехала даже мать Анни, но Алек не предложил ей сесть рядом, хотя Нола умоляла его помириться с тещей.

– Анни никогда не допустила бы, чтобы ее мать сидела в задних рядах, – прошептала она ему на ухо.

– Я не хочу видеть эту женщину, – ответил Алек, делая над собой усилие, чтобы не одергивать Клая, обернувшегося назад, чтобы рассмотреть бабушку, которую он никогда прежде не видел.

Алек слушал, как люди вспоминали, сколько хорошего сделала для них Анни. Они по очереди поднимались на кафедру перед собравшимися. Последним слово взял мэр. Он вспомнил о том, как Анни выбирали «женщиной года» четыре раза подряд, как она подарила витражи библиотеке и общественному центру, как она сражалась за права тех, кто не мог сам защитить себя.

– Она была нашей Святой Анной, – сказал он. – Мы всегда знали, что можем обратиться к ней за помощью. Она не знала слова «нет».

Алек слушал все это, окруженный защитной стеной, которую сам воздвиг вокруг себя. Ему не понравились перечисление заслуг Анни, упоминания о ее необыкновенной отзывчивости и щедрости. Именно ее безотказность ее убила.

Почти все собрались позже на берегу возле Киссриверского маяка, чтобы посмотреть, как Алек и Клай пройдут по молу, неся в руках урну с прахом Анни. Только когда Алек перевернул урну и с ужасом увидел, как ветер подхватил пепел и понес его прочь, тупое оцепенение сменилось разрывающей душу болью. От его Анни остался только прах, а он так легко расстался с ним. Он долго смотрел в океан, пока Клай не потянул его за рукав.

– Давай вернемся, папа.

Когда они снова оказались на берегу, Алек рыдал, опираясь на плечо сына. К нему протянулись руки, его окружили друзья. Клай, Нола, Том, Рэнди, кто-то еще. Они стояли вокруг него плотной толпой, Алек оказался в самом центре, отчаянно одинокий.

Алек нагнулся и посмотрел с галереи вниз. Океан подобрался ближе к маяку, чем это было в прошлый раз, или ему только так показалось. Что бы ни придумала Служба заповедников для его спасения, им лучше поторопиться.

Он похлопал по карману, где лежал ключ от маяка. Мэри! Его словно осенило. Как только он вернется домой, сразу позвонит этому журналисту, Полу Маселли, и скажет, что тот должен поговорить с Мэри Пур. Алек надеялся, что старая женщина жива и не потеряла способности ясно мыслить. У нее наверняка найдется множество интересных историй. Вполне вероятно, что Полу не понадобятся никакие другие источники, если Мэри сумеет ему помочь.

Алек встал и глубоко вдохнул соленый воздух. Он чувствовал себя лучше, хотя голос Рэнди, говорившей о том, что он теперь «свободный мужчина», все еще звучал у него в ушах. Алек покачал головой. «Рэнди просто не понимает, – сказал он самому себе. – Я не должен на нее сердиться».

Он подумал об Оливии. Муж ушел от нее ради иллюзии. Она-то понимала, что чувствует Алек. Он догадался об этом по тому, как она с ним говорила, в ее глазах он увидел сочувствие. Оливия Саймон поняла про него все.

11

Пол лежал в кровати и смотрел на потолок, залитый цветными узорами. Было шесть часов вечера, его самое любимое время в этой комнате. Солнце светило в окна под таким углом, что разноцветные рыбы с витража перемещались на потолок. Их пропорции чуть искажались, но переливы зеленого, синего и золотого оставались неизменными. Пол мог пролежать до темноты, глядя на них.

Он провел так не один вечер, но в этот раз ему не терпелось дождаться темноты и уснуть. Он хотел забыть звонок Алека О'Нила. Он бы с радостью сделал вид, что никакого звонка просто не было, он не снимал трубку в кухне и не слышал энтузиазма в голосе Алека. Как этот О'Нил может заниматься делами, казаться таким довольным, радоваться жизни? Алек сообщил, что у него появилась идея. Жаль, что это раньше не пришло ему в голову. Пол может взять интервью у старой смотрительницы маяка Мэри Пур. Ее рассказ поможет ему написать брошюру.

Пол молчал, пораженный до глубины души. Ну разумеется, мрачно подумал он, почему ему вместо этого интервью просто не лечь голышом на гвозди?

– Мэри сейчас живет в доме престарелых в Мантео, – продолжал говорить Алек. – Моя жена раньше навещала ее там, и, когда Анни была там в последний раз – около полугода назад, – Мэри мыслила совершенно здраво.

Пол не мог придумать причину, чтобы отказаться от этого интервью. Он сам расставил себе ловушку в то утро, когда позвонил Ноле Диллард и попросился работать в комитете по спасению маяка. Но, может быть, Мэри Пур его не вспомнит? Несмотря на все ее здравомыслие, она была очень старой женщиной и не видела его много лет.

Пол уже собрался сказать Алеку, что у него изменились обстоятельства и он не сможет больше помогать обществу, но притяжение маяка оказалось сильнее. Пол ответил, что непременно встретится с Мэри Пур. Он поедет в дом престарелых, как только сможет. Потом он повесил трубку, ушел в спальню и улегся на кровать, чтобы игра цвета успокоила его.

Снова зазвонил телефон. Пол снял трубку аппарата, стоявшего на ночном столике.

– Я тебе не помешала? – спросила Оливия.

– Нет. – Пол снова лег на спину, прижимая трубку к уху. Цветной рисунок на потолке стал более размытым, немного сполз к стене.

– Я просто позвонила узнать, как у тебя дела.

– Нормально, – ответил он. – А ты как?

– В порядке. Сегодня вечером работаю в приюте для женщин.

– Еще не бросила это место? – Полу было неприятно, что его жена работает в приюте. Анни делала это, искренне желая помочь. Мотивов Оливии Пол не понимал. Иногда ему представлялось, как с Оливией там происходит нечто ужасное. Может быть, там появится еще один сумасшедший. Мысль о том, что ее могут ранить или убить, пугала его до такой степени, что он сам удивлялся.

– Нет, не бросила. Бываю там раз в неделю. – Оливия замялась. – Честно говоря, я позвонила, чтобы сказать, что все еще люблю тебя.

Пол закрыл глаза.

– Не надо, Оливия, – попросил он. – Я не стою этого.

– Я не забыла, как мы жили раньше.

Он почувствовал себя негодяем. Оливии приходилось так тяжело. Она рассчитывала на него, зависела от него. В больнице его жена могла быть сильной и уверенной в себе, но, как только она расставалась со стетоскопом, становилась уязвимее и слабее многих других женщин.

– Пол?

– Я слушаю.

– Прости меня. Я не хотела, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Мне просто хотелось напомнить тебе о моей любви.

– Да, спасибо.

Оливия помолчала немного, потом попрощалась. Повесив трубку, Пол поморщился, недовольный собой. Проклятье! Ну что он должен был ей ответить? Она просто подставляется в очередной раз, чтобы он сделал ей больно.

Пол подумал о том, что можно сказать жене правду. Сначала она расстроится, но потом все поймет. Она будет знать, что его чувства к Анни были не плодом его воображения, не наваждением, не одержимостью. Ему становилось не по себе каждый раз, когда он слышал от Оливии это слово, хотя едва ли она была виновата в том, что думала именно так. Пол сам позволил ей поверить в это.

Он множество раз брал у Анни интервью, тянул время, откладывая неизбежное написание статьи. Иначе у него не осталось бы никаких законных оснований, чтобы видеться с ней. Эти беседы были для него мучительными. Полу приходилось соблюдать дистанцию, обдумывать каждое слово, сидя за столиком в ресторане, хотя ему хотелось коснуться щеки Анни или пряди ее удивительных волос. Но он держал себя в руках и не переходил границу дозволенного. По выражению глаз Анни он понял, что ему следует вести себя официально.

Пол записывал все интервью на пленку, несмотря на ее сопротивление. «Пообещай мне, Пол, что ты будешь разговаривать со мной так, словно мы никогда раньше не встречались, как будто мы совершенно чужие друг другу», – попросила Анни. И Пол старался изо всех сил. Теперь он боялся слушать эти пленки, ему было страшно услышать ее живой хрипловатый голос с бостонским акцентом.

Анни все время говорила об Алеке. Пол ненавидел эти рассказы, потому что у Анни всегда теплел голос, когда она упоминала имя мужа. Ему незачем слушать истории об Алеке, заявил ей тогда Пол. Муж – это вовсе не обязательная часть интервью. Но Анни не сдавалась и продолжала вспоминать забавные случаи из их семейной жизни, окружая себя словами, словно доспехами. Пол позволил ей держаться на расстоянии, защищаться. До того памятного вечера, когда он больше не смог ей этого позволить.

В тот холодный вечер за пять дней до Рождества Пол приехал в мастерскую Анни. Он не планировал этого заранее, во всяком случае сознательно. Пол оставил машину на небольшой стоянке и посмотрел на окна мастерской. Внутри горел свет, и витражи словно ожили. Пол подошел к парадной двери. У него кружилась голова, то ли от буйства красок, то ли от волнения.

Через стеклянную дверь он видел Анни, склонившуюся над столом, ее рука медленно двигалась в тени цветного абажура. Дверь оказалась незапертой, он вошел. Анни удивленно подняла на него глаза, и Пол понял, что она немного испугана. Она была одна в этот поздний час в теплой, уютной, наполненной красками мастерской. Между ними больше не было спасительного ресторанного столика. Анни, вероятно, поняла, что Пол больше не позволит ей кормить его историями об Алеке и их семейной жизни, чтобы отвлечь. Он видел страх в ее глазах. Пол только не знал, его она боится или себя.

– Пол! – Анни откинулась на спинку стула и попыталась улыбнуться.

– Продолжай работать, – попросил он. – Я хочу посмотреть.

Она не шевельнулась. Ватный тампон застыл в ее руке. Пол подвинул стул к концу стола и сел.

– Продолжай, – повторил он.

Анни окунула вату в чашку с черной жидкостью, потом аккуратно провела им по выступающим линиям рисунка на абажуре. Она была в зеленых вельветовых брюках и тол-

стом свитере ручной вязки из неотбеленной шерсти. Волосы упали ей на руку, распластались по столу, по стеклу.

Пол несколько минут смотрел, как она работает, и только потом заговорил:

– Я люблю тебя, Анни.

Эти слова разорвали тишину.

Она взглянула на него, убрала волосы назад.

– Я знаю. – Анни вернулась к работе, но потом снова подняла голову. – Тебе лучше уйти, Пол.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ушел?

Она тут же опустила глаза на абажур. Потом Анни отбросила в сторону ватный шарик и переплела пальцы.

– Пол, прошу тебя, не усложняй ситуацию.

– Если ты уверена, что я должен уйти, только скажи мне об этом, и я исчезну из твоей жизни.

Анни закрыла глаза, и Пол протянул руку, коснулся ее пальцев. Они были холодными, напряженными.

– Анни, – позвал он.

Она снова посмотрела ему в глаза.

– Я благодарна тебе за то, как ты провел интервью, – начала Анни. – Ты не вспоминал прошлое, не пытался... воспользоваться ситуацией, хотя я понимала, что именно этого тебе и хочется.

– Мне так хотелось быть с тобой, а не...

– Но ты справился, – прервала его Анни. – Мы оба справились. Так зачем же ты пришел сюда и разрушаешь то, на что ушло три месяца борьбы с собой?

– Потому что я схожу с ума, Анни. Я думаю только о тебе.

Она вырвала руку и положила ее на колено.

– У тебя есть жена, думай о ней. А у меня есть муж.

Пол покачал головой:

– Я ужасно обращаюсь с Оливией с тех пор, как мы приехали на Внешнюю косу.

– Ты должен заботиться о ней и забыть меня. Вот смотри, – Анни открыла ящик стола, достала аптекарскую резинку и надела ему на запястье. – Каждый раз, когда станешь думать обо мне, сделай вот так. – Она оттянула резинку и отпустила. Та больно щелкнула по коже Пола. Он поморщился. – Ты очень скоро забудешь меня.

Пол улыбнулся:

– Все так просто, да? – Он посмотрел на свое запястье, потер покрасневшую кожу. – Ты тоже будешь носить такую?

– Мне это не нужно, – просто ответила Анни. – Когда я думаю о тебе, я сразу вспоминаю Алека. Мой брак всегда для меня на первом месте. Мне скоро сорок, и мои приоритеты давно определились. Не думай обо мне, Пол. Выйди из этой двери, закрой ее и забудь о моем существовании.

Он встал.

– Я никогда не смогу забыть тебя. – Пол стащил с руки резинку и бросил ее на стол. – И это мне тоже не нужно. Мысли о тебе причиняют мне достаточно боли. Но я уйду. Меньше всего на свете мне хочется причинить боль тебе.

Пол нагнулся, чтобы поцеловать ее макушку. Рыжие волосы были такими мягкими под его губами. Он пошел к двери, исполненный решимости уйти не оглядываясь.

– Пол!

Он обернулся. Анни встала, скрестила руки на груди. Пол видел, как она борется с собой.

– Я не хочу, чтобы ты уходил. Ты можешь просто... обнять меня?

Пол вернулся к ней и нежно привлек к себе. Анни прижалась к нему, от ее волос пахло солнцем. Она вздохнула, обняла его, по ее телу пробежала дрожь, и Пол почувствовал это.

Он поднял руку и коснулся ее шеи. Пульс лихорадочно бился под его пальцами.

– Я хочу любить тебя, – сказал он.

Анни откинула голову назад, чтобы взглянуть ему в лицо. Между ее бровями пролегла складка.

– Это опасное место для занятий любовью. Здесь всюду стекло. Осколки летят на пол, застревают в ковре...

– Тс-с, – Пол прижал палец к ее губам. – Мне все равно. – Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, и не удивился, когда Анни ответила на его поцелуй.

Сделав шаг назад, она потянулась к выключателю, но он перехватил ее руку.

– Оставь свет, я хочу видеть тебя.

– Это стеклянный дом, Пол. – Она вырвала руку.

Разумеется, Анни была права. За окнами лежала темнота, и с улицы будет видно все, что происходит в мастерской, даже сквозь витражи.

Анни выключила свет и повела его за собой. Они прошли в дальний конец комнаты, где на белых стендах висели фотографии. Проходя между ними, Анни включала небольшие светильники над снимками, создавая вокруг них с Полом мягкое сияние. Она села на пол, спиной к стене.

Пол уже хотел опуститься рядом с ней, когда неожиданно его глаз упал на ближайшую фотографию. На них без улыбки смотрел Алек О'Нил. По спине Пола пробежал холодок. Все-таки он сел рядом с Анни. Когда она притянула Пола к себе, его тревога исчезла.

Раздевая Анни, Пол смотрел на ее лицо. В синих глазах плескалось желание, то самое желание, которое она старательно скрывала во время интервью.

– Я только хочу, чтобы ты обнял меня, – шепнула Анни, но не остановила Пола, когда тот расстегнул на ней лифчик. Она встала на колени, чтобы расстегнуть брюки, и Пол помог ей снять их. Ее тело оказалось мягким и полным, чего Пол не ожидал, и в нем ему захотелось утонуть.

Он уложил Анни на ковер и снова поцеловал, потом опустил голову, чтобы взять в рот сосок. Анни придержала его за подбородок и заставила посмотреть ей в лицо.

– Ты не мог бы удовлетвориться тем, что просто полежишь рядом со мной? – спросила она.

Пол медленно покачал головой. Он ласкал ее, целовал и гладил, и сопротивление Анни постепенно ослабело.

Он испытал радость, когда все закончилось, и он лежал, обнимая Анни, чувствуя, как их сердца бьются в унисон. Ему показалось, что они лежат так очень долго, и он не сразу понял, что Анни плачет.

– Что случилось? – Пол поцеловал ее глаза.

Анни резко оттолкнула его и закрыла лицо руками.

– Я такая дура, – пробормотала она.

– Нет, Анни, не говори так и даже не думай.

Она села и отодвинулась в угол, прижимая к себе одежду, прикрываясь ею. Анни горько рыдала, уткнувшись лицом в свитер. Пол попытался погладить ее по плечу, но она застыла от его прикосновения. В неярком свете он увидел седину в ее волосах, серебристые пряди в рыжих кудрях. Они делали ее еще уязвимее.

Пол погладил Анни по волосам. Он не знал, что сказать, кроме того, что любит ее. Пол снова и снова повторял это, а Анни все плакала, закрыв лицо руками.

– Анни, перестань плакать, – взмолился он. – Скажи, что злишься на меня. Скажи хоть что-нибудь.

Она не отвечала, и в этой гнетущей тишине Пол начал одеваться. Он выключил свет над фотографией Алека, а потом снова сел рядом с ней. Анни перестала плакать, но не поднимала головы.

– Давай я помогу тебе одеться, – предложил Пол.

Она покачала головой:

– Нет. Пожалуйста, поезжай домой.

– Я не хочу оставлять тебя в таком состоянии.

– Пожалуйста...

Пол поднялся и неохотно направился к двери.

– Пол!

Он обернулся к ней. Анни подняла голову, и в неярком свете Пол увидел ее мокрые от слез щеки.

– Ты не мог бы уехать с косы? – спросила Анни. – Может быть, ты вернешься на материк? Прошу тебя, Пол, умоляю.

Отчаяние в ее голосе заставило его съежиться, как от удара. Он вернулся к ней, опустился на ковер, положил руки на ее голые коленки. Пол вдруг почувствовал, как холодно в мастерской. Анни не стала возражать, когда он вытащил из кучи одежды свитер и натянул на нее. Он высвободил длинные волосы из-под воротника и поцеловал ее в лоб.

– Я бы сделал для тебя все, что угодно, Анни, но уехать отсюда не могу. Здесь и мой дом тоже.

Когда в тот вечер Пол вернулся домой, Оливия уже спала. Он заранее предупредил ее, что задержится, и попросил не ждать его. Пол принял душ внизу, чтобы не будить жену, и только тогда обнаружил осколки стекла, впившиеся в его колено, в ладони, в плечи.

Пол поднялся наверх в ванную комнату и нашел в аптечке Оливии пинцет. Присев на край ванны, он принялся вытаскивать стеклянные занозы. Из ладони осколок вышел легко. Из колена он вытащил стекляшку с большим трудом. Из ранки начинала сочиться кровь, стоило ему согнуть ногу. Придется наклеить пластырь, иначе утром простыня будет в крови.

Из плеча стекло оказалось вытащить труднее всего. Его никак не удавалось подцепить пинцетом. Покончив с этим, Пол лег в постель и подумал о том, впилась ли осколки в кожу Анни. Он надеялся, что нет. Ему невыносимо было думать о том, что ей больно, или вспоминать, как она плакала.

А что, если Алек еще не спал, когда Анни вернулась домой? Вдруг он станет спрашивать, почему она задержалась, или застанет ее за тем, как она вытаскивает осколки? Что ему скажет Анни? Какие она найдет слова, чтобы объяснить свое отчаяние?

12

Молодой человек нервничал, как и следовало ожидать. Мэри видела это по его неуверенной улыбке, по тому, как он избегал смотреть ей в лицо. Он носил очки в металлической оправе, стекла казались очень тонкими, словно в них не было диоптрий. Как будто он надел их специально, чтобы казаться умнее, чем он был на самом деле. Он нервно постукивал ручкой по папке, пустившись в долгие объяснения.

Она не сразу его узнала. Люди со временем меняются. И потом он невнятно пробормотал свое имя, когда представлялся ей. Поумаселл, вот что у него получилось. Но теперь Мэри его узнала. И сразу все поняла.

– Вот почему мы хотим издать брошюру и включить в нее истории из прошлого, когда вы еще жили в доме при маяке. Расскажите мне, как смотритель проводил день, что случилось необычного в те времена. Вы понимаете? – Он впервые посмотрел Мэри в глаза. – Это имеет для вас какой-то смысл?

– Да, мистер Маселли, – ответила она, определенно удивив его.

– Гм. – На его губах появилась улыбка. – Полагаю, вы меня помните, – сказал он. – Это было так давно, что я подумал...

– Я не забываю людей.

– Что ж... – Пол принялся возиться с замками кейса. – Вы не будете возражать, если я запишу наш разговор на магнитофон? – Он достал блокнот и маленький черный диктофон. Этот человек явно не хотел говорить о прошлом, и Мэри это устраивало.

– Вовсе нет, вовсе нет, – ответила она. У нее появилась дурацкая привычка повторять слова. Это никого не раздражало, кроме самой Мэри.

Пол поставил диктофон на широкий подлокотник качалки, в которой сидела Мэри. Его пальцы дрожали, когда он включал его.

– Начинайте с того, что придет на память, – предложил он.

Мэри положила руки на колени, обтянутые хлопчатобумажным платьем, скрестила ноги, обутые в тапочки на резиновой подошве. Она посмотрела на гавань, где в лучах солнца сверкали лодки. Как бы понравилось Кейлебу это приглашение рассказать о Киссриверском маяке все, что захочется. Он бы знал, с чего начать историю. Сама Мэри последнее время немного путалась в последовательности событий, иногда мешала правду с легендами. Впрочем, это не имело значения. Никто все равно не узнает.

Она откинулась на спинку качалки и ненадолго прикрыла глаза, прислушиваясь к негромкому жужжанию микрофона, впитывавшего ее молчание. Потом Мэри открыла глаза и начала говорить:

– Огонь на Киссриверском маяке впервые зажегся в тот день, когда родился отец моего мужа Кейлеба. Дедушка Кейлеба стал первым смотрителем, и они с женой поселились в доме всего за несколько дней до рождения моего свекра. Повитуха отмеряла время между схватками вращениями фонаря. Это случилось 30 сентября 1874 года. Через двадцать семь лет, в 1901 году, родился Кейлеб, почти в то же самое время суток. И принимала его все та же повитуха, которая к тому времени совсем состарилась.

Мэри немного помолчала. Она снова посмотрела на гавань и неожиданно ощутила ограниченность вида, как это случилось в тот день, когда она только переехала в дом престарелых. Ей не хватало обзора с башни маяка и бесконечности океана, гнавшего к берегу волны.

– Кейлеб всегда говорил, что это врожденное, – Мэри кивнула в такт своим словам. – Все врожденное.

– Так и было? – спросил Пол.

Мэри посмотрела на него. Его зрачки казались крохотными на фоне глаз цвета дорожной пыли.

– Когда рождаешься под огнем маяка, то вместе с тобой рождается потребность защищать людей от моря и штормов, от их собственных ошибок в навигации. При первом же вдохе легкие наполняются морским воздухом, глаза сразу видят яркий свет маяка. И сразу понимаешь, что ты должен делать в этой жизни, никому не нужно говорить тебе об этом. – Мэри откашлялась. – И то же самое происходит, когда выходишь замуж за смотрителя. Как только я впервые оказалась у маяка, я сразу поняла, что буду помогать Кейлебу.

Мой муж обычно говорил, что невозможно вырасти в семье смотрителя маяка и не уважать море. Оно красиво и опасно одновременно, как некоторые женщины.

Мэри снова посмотрела на Пола Маселли, который принялся что-то лихорадочно писать в своем блокноте, хотя диктофон фиксировал каждое ее слово. Его пальцы, сжимающие ручку, побелели, и она, сама того не желая, посочувствовала ему.

Мэри продолжила свой рассказ:

– Предполагалось, что Киссриверский маяк будут обслуживать минимум два смотрителя. Помощники приезжали и уезжали, а семья Кейлеба не трогалась с места. Маяк стал домом для всех нас.

Она рассказывала о том, как Кейлеб рос, как мать возила его каждое утро на лодке через залив, чтобы он мог ходить в школу в Дьюитауне.

– Там мы с Кейлебом и познакомились, – сказала Мэри. – Мы поженились в 1923-м, и тогда же я стала помощником смотрителя. Но я немного тороплю события.

У нее пересохло во рту. Она бы с удовольствием что-нибудь выпила, но спиртные напитки были категорически запрещены в доме престарелых. Поэтому Мэри вздохнула и снова сосредоточилась на посетителе.

– Так ты спрашиваешь, как проходил день смотрителя? Он бегал вверх-вниз по лестнице, вот как. – Мэри улыбнулась. – Я до сих пор во сне поднимаюсь по этой лестнице, двести семьдесят ступенек. Когда я просыпаюсь утром, у меня болят ноги, и готова поклясться, что от моей подушки пахнет керосином. Думаю, ты бы назвал такую жизнь монотонной, но, оглядываясь назад, я бы так не сказала. Штормы, разбитые лодки, которые выносило на берег. А как насчет той ночи, когда из-за тучи москитов погас фонарь? Хочешь об этом послушать?

– Я буду рад послушать обо всем, о чем вы захотите мне рассказать.

– У тебя случайно нет с собой сигаретки?

– Нет, – Пол выглядел удивленным. – Извините.

Мэри разочарованно покачала головой и принялась рассказывать о первом лете на маяке после их свадьбы с Кейлебом. В тот год москиты были крупными, словно стрекозы, и они летели на огонь в таком количестве, что свет маяка не был виден с моря.

Потом она рассказала Полу о первом кораблекрушении в жизни Кейлеба. Она знала эту историю наизусть, потому что слышала ее от мужа очень часто. Крушение произошло однажды утром в 1907 году, когда четырехмачтовая шхуна «Агнес Лоури» села на мель недалеко от берега.

– Корабль просидел на мели некоторое время к тому моменту, когда Кейлеб и его отец вместе со спасателями приплыли к ней, – сказала Мэри. – Они видели людей на палубе, которые махали им, думая, что вот теперь их наконец спасут. Но ничего не получилось. – Мэри описала безуспешные попытки снять судно с мели, нарочно затягивая рассказ и получая от этого удовольствие. – Когда шхуна развалилась пополам, люди начали прыгать в воду, потом пытались плыть к берегу, но они не знали, насколько коварно море. К лодке спасателей волны приносили уже мертвые тела. – Мэри поежилась, вспоминая, как Кейлеб всегда понижал голос, говоря об этом.

Кто-то в гостиной включил телевизор, и он заорал так, что стало слышно на веранде, потом звук убавили.

– Отец Кейлеба умер перед самой нашей свадьбой, – продолжала Мэри. – Кейлеб подал прошение, чтобы его назначили смотрителем, и легко получил это место. Несколько недель он работал без помощника. Так что на маяке был только он и его мать-инвалид, когда в Кейлеба попала молния.

– Правда? – Ее слова явно произвели впечатление на Пола Маселли.

– Да, в самом деле. Ужасная вещь, и должна тебе сказать, что я только рада, что меня при этом не было. Кейлеб стоял на ступеньках внутри маяка, когда молния ударила в башню и электрический разряд пошел вниз по всем двумстам семидесяти стальным ступеням. У Кейлеба онемели ноги, но он не мог позволить огню погаснуть. Нет, сэр. Он дополз до верхней площадки и проработал всю ночь. – Мэри посмотрела на гавань и подумала, как это было похоже на Кейлеба. – Так вот жили в старые времена. У людей было чувство ответственности. Они гордились своей работой. Это не то что вы, молодые, сейчас.

Мэри закрыла глаза и пару минут молчала, добившись того, что Пол Маселли спросил, не утомил ли ее рассказ. Она посмотрела на него.

– Нет. У меня для тебя есть еще одна история. О «Мираже». Так назывался корабль. «Мираж». Это был траулер. – Мэри говорила так тихо, что Полу пришлось поднести диктофон почти к самым ее губам, чтобы сделать запись. – Это был март 1942 года. Ты ведь знаешь, что тогда было?

– Война? – уточнил Пол.

– Война, – кивнула Мэри. – К этому времени на маяк провели электричество, так что нам больше не приходилось беспокоиться о том, чтобы проверять часовой механизм или протирать стекла. Мы не уехали потому, что кто-то должен был остаться на маяке, и нам казалось, что вся война проходила здесь, у этих берегов. Во всех домах на косе действовало затемнение, свет маяка был приглушен. На берегу запрещалось разводить огонь или зажигать фонари, потому что немецкие подлодки увидели бы силуэты наших кораблей. Но это не слишком помогало. В то время немецкие субмарины топили по одному нашему кораблю в день.

Мэри помолчала, давая Полу возможность осознать ее слова.

– Так вот, однажды утром, перед самым рассветом, Кейлеб был наверху в ламповой и оттуда разглядел лодку, которую уносило в море. Кейлеб разглядел в ней двоих мужчин. Он спустился вниз, сел в моторку и направился к ним. Было холодно, ветрено, и Кейлеб сомневался, что доберется до этих несчастных, но ему это удалось. К тому времени, когда он догнал лодчонку, эти парни уже почти окончили. Кейлеб перетащил их в моторку и благополучно добрался до берега. Оказалось, что это моряки с траулера под названием «Мираж», торпедированного немецкой подлодкой еще ночью. Только им удалось спастись, когда судно пошло ко дну. – Мэри посмотрела на улицу. – Когда Кейлеб рассказал мне об этом, я кое-что вспомнила. Когда я была совсем девочкой, я где-то прочла слово «мираж» и спросила у отца, что оно означает. Отец рассказал мне, как в жаркий день раскаленный песок может показаться водой, – это такой обман зрения. «Иногда, Мэри, – сказал мне отец, – все не так, как кажется». Мне следовало внимательнее слушать его.

Мэри Пур посмотрела на Пола, чтобы убедиться, что он слушает ее внимательно.

– Так вот, Кейлеб привел этих английских моряков в дом. Они говорили по-английски с каким-то странным акцентом. Моя дочь Элизабет – ей тогда было четырнадцать – и я, мы накормили их как следует, пока они рассказывали нам, как их траулер торпедировали и как им одним удалось спастись.

В ту ночь я постелила этим парням в свободной спальне наверху. Около одиннадцати мы с Кейлебом услышали крик Элизабет. Мой муж схватил свой пистолет и побежал наверх.

Один из парней оказался в спальне Элизабет, и Кейлеб расправился с ним на месте. Второй моряк сбежал, как только услышал, что Кейлеб расправился с его приятелем. Поэтому мы тут же позвонили в береговую охрану, и они его нашли. – Мэри как будто пережила все заново, вспомнив об этом. – Парня зарезал дикий кабан. Никому такой судьбы не пожелаю. Оказалось, что они не были англичанами. Они были немецкими шпионами. Береговая охрана несколько недель ловила сообщения их передатчика, но никак не могла напасть на их след. Кейлеб получил за это медаль, хотя он сам не раз называл себя дураком за то, что просто не дал этой парочке замерзнуть в океане. Разумеется, никакого траулера «Мираж» не было и в помине.

Мэри глубоко вздохнула и неожиданно почувствовала усталость. Она направила тонкий прямой указательный палец на своего собеседника.

– Иногда, мистер Маселли, все совсем не так, как кажется, совсем не так.

Пол Маселли долго смотрел на нее. Потом выключил диктофон и положил кейс на колени.

– Вы мне очень помогли, – поблагодарил он. – Можно мне прийти снова?

– Разумеется, разумеется, – закивала Мэри.

Пол положил диктофон в кейс и встал. Он посмотрел на гавань, потом перевел взгляд на Мэри.

– Они пытались выгнать вас из дома возле маяка в семидесятых, верно? – спросил он.

Мэри подняла на него глаза. Какой дурак! Он бы мог просто уйти, не испытывать судьбу и терпение Мэри больше, чем следовало. Ничего не попишешь, он не смог с собой справиться.

– Верно, – подтвердила Мэри.

– Это случайно не Анни О’Нил помогла вам вернуться в ваш дом?

Мэри хотелось ответить: «Конечно, это была Анни, и я, и ты, мистер Неугомонный, мы оба прекрасно об этом знаем». Но ей хотелось также, чтобы этот молодой человек пришел к ней еще. Она бы снова рассказывала ему истории о маяке. Мэри Пур была не против часами говорить в эту черную коробочку.

– Да, это была Анни О’Нил, – сказала Мэри.

Она смотрела, как Пол Маселли вышел на тротуар и сел в машину. Только тогда она откинула голову назад и закрыла глаза. Острая боль в животе не отпускала до тех пор, пока Мэри не услышала, как его машина отъехала.

Мэри познакомилась с Анни в мае 1974 года, когда ей было всего семьдесят три, совсем еще молодая женщина. Она мыла окна в ламповой, когда увидела девушку внизу у кромки воды. Это был ее пляж, потому что тогда дорога до маяка еще не была заасфальтирована и редкие туристы рисковали приезжать сюда. Анни казалась крошечной, похожей на куклу. Она стояла на берегу в темной юбке, светлой кофточке и смотрела в океан. Ее рыжие волосы трепал ветер.

Мэри спустилась вниз и направилась к незнакомке.

– Добрый день! – поздоровалась Мэри, подходя к девушке. Анни повернулась, прикрыла глаза рукой и широко улыбнулась:

– Привет!

Мэри удивилась, услышав ее хриловатый голос. Такой низкий голос для молоденькой девушки. И вдруг она спросила, словно это Мэри нарушила границу:

– Кто вы такая?

– Смотритель маяка, – ответила Мэри. – Я здесь живу.

– Смотритель маяка! – воскликнула Анни. – Вы, наверное, самая счастливая женщина на свете.

И тут Мэри улыбнулась, потому что именно такой она себя и чувствовала.

– А меня зовут Анни. Мне захотелось прийти к маяку. – Она посмотрела на песок под своими босыми ногами. – Именно на этом месте я встретила человека, за которого вышла замуж.

– Здесь? – недоверчиво спросила Мэри.

– Он красил и ремонтировал дом.

Ну да, конечно, Мэри вспомнила. Несколько лет назад, летом, это место заполнили молодые загорелые ребята, полуголые и красивые. Волосы они повязали косынками, по-пиратски, чтобы пот не заливал глаза. Наверное, она имела в виду одного из них.

– Я встретила с Алеком ночью. Было совсем темно, но, когда вспыхивал маяк, я его видела. Он стоял вот здесь и наслаждался вечером. Чем ближе я подходила, тем лучше он выглядел, – Анни улыбнулась, покраснела и снова повернулась к воде. Волосы развевались у нее за спиной, и она прижала их руками.

– Понятно, – Мэри была удивлена, узнав, что все это происходило в двух шагах от ее дома. – Значит, это место для тебя особенное.

– Угу. Теперь у нас есть маленький сын. Мы жили в Атланте, пока Алек заканчивал учебу, он ветеринар. Но все это время мы знали, где хотим жить. Вот наконец мы приехали. – На ее лице появилось странное выражение. Она посмотрела на маяк. – Значит, вы смотритель? – переспросила Анни. – Я не знала, что у маяков до сих пор есть смотрители. Разве они управляются не электричеством?

Мэри кивнула:

– На этом маяке электричество с 1939 года. В наши дни за маяками следит береговая охрана. Мой муж был последним смотрителем маяка на побережье Северной Каролины, а когда он умер, я заняла его место. – Мэри изучающе посмотрела на Анни. Та стояла, задрав голову, и смотрела на маяк. – Хочешь подняться? – спросила она, удивив сама себя. Мэри никогда никого не приглашала наверх. Уже много лет башня была закрыта для посетителей.

Анни даже захлопала в ладоши.

– Ой, мне бы очень хотелось.

Они направились к маяку, Мэри задержалась только на минуту, чтобы взять корзинку с черникой, которую она собрала утром.

Мэри все еще могла подняться на самый верх всего с одной или двумя остановками, чтобы перевести дух и дать отдых ногам. Анни тоже пришлось остановиться, или она только сделала вид, что устала, чтобы смотрительница не чувствовала себя такой старой. Мэри привела ее в ламповую, где огромные линзы занимали почти все пространство, так что людям там места почти не оставалось.

– О боже! – задохнулась от восторга Анни. – Я никогда в жизни не видела так много стекла в одной комнате. – Она посмотрела на Мэри. – Я так люблю стекло. И это просто фантастика.

Мэри позволила ей забраться внутрь фонаря через отверстие, оставшееся на месте одной линзы, разбившейся несколько лет назад в шторм. Анни медленно совершила полный круг, обозревая окрестности, и Мэри знала, что она видит картинку вверх ногами из-за кривизны линз.

Ей пришлось долго уговаривать Анни отойти от стекла и спуститься на предыдущий уровень, откуда был выход на галерею. Они сидели на теплом чугунном полу, и Мэри показывала Анни интересные места вдаль. Анни сначала молчала, переполненная эмоциями, и Мэри видела, как ее глаза наливаются слезами от красоты пейзажа внизу. Именно тогда она узнала, что у Анни слезы близко.

Они провели наверху добрых два часа. Мэри забыла об окнах, которые мыла в ламповой. Она рассказывала Анни о Кейлебе, о том, как ей нравилось сидеть на галерее с мужем.

Они провели на Киссривер не один десяток лет, и все-таки пейзаж им не надоел. К тому времени Кейлеб уже долгих десять лет лежал в могиле, и, поговорив с Анни, очень внимательно слушавшей ее, Мэри вдруг особенно остро почувствовала, как мало у нее друзей, как ей не хватало общества. Почему-то она рассказала Анни об Элизабет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.